

Ему по-
дось пойт-
да увлек-
нать им

и другихъ жнзней.
азъ въ такіа минуты хотѣ-
лъ тѣмъ, которыхъ онъ всег-
да собою куда-то, и крѣк-

—

Михаилъ Митяшевъ.

селяхъ, борющихся, ищущихъ нас-
денія людей, они кажутся мнѣ то-
безумцевъ, стадомъ рвзвлящихся о-
обреченныхъ природой на закланіе!

на улицах одеты в красивые
красные, синие и при свете этого
го зарева тайно и хитро блещут
покойные зрачки мужичины...

макъ
чнз-
без-
бертъ

Р а з с к а з ъ.

ишло туда, къ электрическимъ мир
и кафе и театровъ, гдѣ людск
и кружатся, какъ бабочки вокруг
ей.

«Непоправимо!», съ metallic
холодомъ повторяетъ дверь. «Не
вимо!»—мигаетъ электрическій ф
«Непоправимо, непоправимо, не

сохраняя лица и движенія
фіяхъ и на лентахъ снимат-
лось и интонаціи застыва-
ликахъ грамофона; тѣмъ

фотогра-
фа; го-
в в ва-
езмертия

Через три года, в 1937 году, жена за-
везла в тюрьму, где сидел

«Есть ты, настоящий ты; тот же, что был там, у нас, который ушел, се, был лишь тень, чья ты хотела бы, но никогда не могла быть. И ты была только актером, только актрисой».

Конечно, ты мог бы лгать и дальше, всю жизнь лгать передо мной, но зачем? Ведь, ты хотела, чтобы она любила тебя, а не кого то другого, а, любив тебя, ты сама вставала полюбить не этого другого. Ты чувствовала, ведь, что настоящего тебя нельзя полюбить — так ты гадала, сама себя гадала.

Она думала, напугавшая память, стараясь заглушить агонию, в половину прошлой жизни, они жадно искали в ней правды, самого себя, но они не нашли, и только там, в самом начале, где все было несомненно и сплутно, как в тумане, где они видели себя маленькими, беззачетными смехомися ребятишками, там, ему казалось, не было лжи, там они были сами собой.

Но как этого было?

Сильно провинциального комика, с ранних лет он жил за кулисами сцены, среди декораций: подвешенных неба, холстинных рёв, картонажных лесов; среди людей, превращавшихся по желанию в элфов, в валькирий, в бродячих людей; людей, вечно занятых изучением чужих мыслей, забывших эти мысли не по существу их, не по их действительной стоимости, а по тому впечатлению, которое они производят на публику.

С ранних лет, не отдавая еще себя отчету в том, что такое публика, он уже знал, что от этой публики уже зависит все!

— Конечно, один драматический человек, слышавший иногда про того или другого актера, — но публика любит его, он нужен для труппы.

— Писца нехватало, — говорили актеры, — но публики она поправилась.

Писец оставили, писец переделывали, писец снижали, — все это думали не потому, что хотели этого или считали нужным, необходимым, а потому, что этого требовала публика. Словом, публика была то всемогущее божество, от желания которого зависела жизнь актеров вообще и каждого, в частности.

— Все для публики, а она для чего? — не раз задавал себе вопрос подрастающий мальчишка, глядя, как, в угоду этой публике, чуждыми днями работали сценарии, плотники, живописцы, как музыканты надували свои рожи гудки, как домались почтенные старики-актеры, подлаживавшие под ту или иную роль.

Потому, когда отец его, комик, умер на сцене от разрыва сердца, и он, взятый на воспитание старой родственницей отца, начал учиться, он узнал, что, помимо публики, видной им в театре, есть люди, которым не нужно ни холстинных рёв, ни картонажных лесов, потому что все это есть у них настоящее, как есть и свои настоящие Гамлеты, Леры, Офелии.

Когда он узнал это, ему захотелось этой настоящей жизни, он почувствовал, что, действительно, настоящие люди были там, где все настоящее, а ты, которых он до сих пор видел в театре, были не люди, а публика, что то другое, так же далекое от настоящего, как далеки от него холстинные рёв и картонажные леса.

Вросши учиться, он ухаживал за деревню, но он не долго прожил там. Ему вокруг стало невыносимо тоскливо.

Среди окружающих его там настоящих, как он думал, людей, он чувствовал себя каким-то одиноким, ненужным.

Верясь за то или иное дело, он чувствовал, что, в сущности, берется за какую-то роль и, исполняя ее, он итайм ждать от окружающих одобрений и поощрений.

Но другом него каким был, зная своим делом, выйти, просто, как работнику, который знает, что от его дела ему нигде не уйти.

И таким скучным, и таким безрадостным стал казаться ему этот их сосредоточенный, молчаливый труд, что он уже не мог вставать себя заниматься им, почувствовать, что сколько бы он отдавал силе отцу труду, на тебя, на его все равно никто никогда не замечает.

Оставалась природа; но и к ней он мог относиться лишь, как к декорациям: в лунную ночь воображал себя Фаустом с Маргаритой, в ясный день шел по дороге, расстреляв волосы, и представлял себя Лиром.

Он давно уже стал чувствовать эту ложь и двойственность своей жизни; сознание это мучило его, и, чтобы избавиться от него, он решил всегда порвать связь с этой убогающей — было — его настоящей жизнью и снова бросился в город. Там он увлекся чтением, решением социальных и философских вопросов; он был то позитивистом, то мистиком, всё же увлекшись, по ничему не мог отделиться от публики.

Он точно раздвинулся на двое: один жил, думался, действовал, стараясь приспособиться или превзойти то, что всен считалось хорошим и лучшим; другой же только смотрел на все то, что думалось первым; этому первому доставляло удовольствие, похвалы и поощрения окружающих, и он рос от этих похвал.

Среди жизни, среди людей от его «я» заполняло все существо его, и тогда он думал, что он действительно есть то, чьм кажется: талантливым, убежденным идеалистом, восторженным поклонником нашего, красивого, крепкого свободы и правды. Тогда он и сам влился тому, что говорил, утверждал, что и другие брать его, но едва только он приходил домой и оставался один наедине с собой, без книг, как другое «я», до сих пор спокойно дремавшее, поднимало свою акину голову и шептало: «ты лгал, и всё, кто слушал тебя, отлично понимал, что ты лгал, но им приятно была ложь, потому что эту ложь всё усвоились считать правдой... Ты ухитрился хорошо лгать и за это тебя хвалили и поощряли. Ты, как и многие, только плелся, только плелся»...

Он не мог примириться с этим. Он сказал себе: «я царь», и вот солнце еще так ярко горит каждый день в голубом небе, миллионы существ живут, наслаждаясь движением в жилах собственной крови. А он?..

Он чувствовал, как день ото дня становится все мертвей и мертвей, что жизнь его как будто уже кончается, а он, ведь, в сущности, и не жалеет ее, а лишь переживает своим могуществом тысячи других жизней.

Ему не раз в такие минуты хотелось пойти к тем, которых он всегда увлекал за собою куда-то, и крикнуть им: «я лгу вам... не врите мне, куда я стремлюсь, что надо куда то идти, куда то стремиться. Мы беззачетны, кружащиеся в луче солнца. Живите же солнечно и радостно каждый день и вы постигнете истинность так ясно и просто, как давно се постигли рывые мотыльки, птицы, полетевшие лили, о которых говорил однажды Тот Единный из людей, который не испугался правды».

Но он не сказал этого: это было слишком просто и оттого недостойно понимания тех людей, которые ценили в нем красивую, нарядную, неструю ложь, которая казалась новым словом, новым открытием.

К чему же привела эта ложь? Ведь, рано или поздно, она должна была обнаружиться; и вот сегодня она обнаружилась.

ружались во всем своем бедолажестве, рассясь.

Он всколыхнул и нервно забегал по комнате.

Плани догоревшей свечи металось на диве подоконника и полумрак по подступал к столу, то прятался из углов комнаты, точно нежелая от негоतरяться.

Дти то за стеною текли часы, и, плыли одну за другою, секунды, время и тишина вели свою монотонную безстрастную беседу...

И под эту беседу в соседней комнате кто-то хрюпал и свистал, точно там распиливали дерево, которое кричало под жалкими губами австрийской пилы.

Там, утомленные трудом, спали усталые, измученные, никогда ничего не слышавшие душе свои люди.

— Но все же, — подумал он, — эти люди встанут завтра и с веселыми глазами примутся за свой тяжелый, неблагодарный, невзлюбленный труд. И в этом труде у каждого из них есть свое место, для которого он нужен и необходим...

А у него?..

Ему стало дурно.

Он распахнул окно.

Налетевший ветер, точно лавно подождавший этого у окна, бросился на

трепетующее пламя свечи, ища его. Оно извивалось, напуганное, и, в давленый невидимый вращательный посыл сивающегося тахитом треском угасло.

И хвосты от этих тресков взошла ночь.

Она влилась ему в страшный, темный глаз этого взгляда его охватывала. Желая уйти от этого, он вынул голову из окна, всюду, ведь была только отворачивалась от него, заз, — она неподвижно стояла, черная, страшная, он почувствовал тогда, что все.

Что она в нем, в давно свила тифом свое, пер, расплава за его столовой, свои темные крича, — она неподвижно стояла, черная, страшная, он почувствовал тогда, что все.

И ничего не останется, кроме пустых, вонючих, торая были лишь золотые камни палца.

Михаил Ми

ТЕНЬ БЕЗСМЕРТ

Рассказ.

Эти комнаты томили его. От самых старых, казавшихся, исходил здесь траурный свист воспоминаний. Вещи, которые она любила, портреты, вьлки, запалы фальки и пудры, тысячи одухотворенных, горюхих и восхитительных пустоток напоминали ему о ней, об ее недавней жизни, недавней смерти... В полумраке Альберт, казался, слышал еще вьские порохи ее порохи, душные вьлки шелков, легкие удары кабулучков о паркет. Ему казалось, что она здесь, таинственная и неяркая, светло преобразуемая смертью, милая, вьчная Лу. Он тихо звал ее: «Лу, Лу, почему ты не вернешься?». Но было тихо; от уличных фонарей томно серебрился мрак гардин; фарфоровые амуры каминных часов ритмически плыли: «Лу, Лу».

Альберт всколыхнул, разбуженный слезами от черных грёз, которые охватили им. Эти комнаты и одиночество сводило его с ума. Он услышал весеннее журчанье городских улиц там внизу, и безосновательно отпустил туда, за электрическим миражом кафе и театров, где людская толпа кружится, как бабочка вокруг очей.

Прежде, чьм выйти, он машинально подошел к зеркалу и в матовой дальной глубине его увидел свое измученное небритое лицо с черной тенью подлинора.

— Я?.. — подумал он удивленно, — а здесь, а Лу?..

И тогда ему показалось, что легкий, неясный тень отразился в зеркале рядом с ним... Альберт странно улыбался, натягивая перчатки, и вдруг сказал громко в глубину траурно мерцающего сумрака:

— Лу, я ухожу, и вернусь через час...

И преувеличив, страшно, как удар пробовой крышки, ступая тише, желая тише.

Альберт медленно спускался с лестницы. Ему казалось, что он слышит

таинственный шорох за стеною, и этот шорох непонятно черными кружевом восточной пледы его усталая.

Он думал, что Лу, желая его там наверху, бьдичьм, прозрачным светом. Он видел ее у палаты на красном бархате. Она сидела поднимаясь, в слова своей роли. И в этой палке покоем, в комической сосредоточенности «для вдохновения». Милая моя маленькая великая любовь моя? Дни теплых шпильки вьлки обложки вокруг себя. И голос О. во поет из синего моря и люблю покоем... И о моя девочка Лу, не скажи Лу, сияла означала!

Альберт встречает будничным взглядом шепчущее: «Но Лу умерла! Нет и не будет никогда правды»...

«Непоправимо», сь ме холодом повторить дьмлю» — мглает электричество — кричит вечными своими отглия, аффими, восхитительными, Альберт погружается в стацию, вьблещая, злон непоправимости.

Он шел медленно, без по увлекательный легкой, улыбок, кружевных глаз, щегольских черная городская жизнь своей обычной призрачной рьли — стелла зеркала, фальшивыми бриллиантами разноцветная газет; суетно коммодальная толпа вьтегуаров. Вечное стьднее прощание струилось коридором улиц, скат остывших электрических

Кое-как сторговались, череватки.

«Химик» достал из дька цуарек сь какою-то жадностью, кусочек

Домой на Пасху.

ружались во всем своем леденящем умысле.

Они вкопачивали и верно саблжались по комнатам.

Плани догоравшей свечки металось на дну подованника и полумрак то подступал к столу, то прятался в углы комнаты, точно шевелясь от нестерпимости.

Цифы на стене текли часами, и, цитали одну за другою, секунды, прелея и тишина вели свою монотонную безстрастную беседу...

И под эту беседу в соседней комнате кто-то хрюпал и свистал, точно так же расщипывая дерево, которое вращало под жгучими зубами внешней плыи.

Там, угловыми трудом, спали в тазике, лежачем, выходя из него не алмазные дуги сиза люди.

— Но все же,—подумал он,—они когда-нибудь встанут и с веселыми, веселыми прыжками за свои пылающие, неважные, неважные труды. И в том труды у каждого из них есть все место, для которого он нужен необходим...

А у него?..
Ему стало душно.
Он распахнул окно.
Налетевший ветер, точно давно ожидавший этого у окна, бросился на

трепещущее пламя свечки и стал душить его. Огонь повивался, вихлялся, пылал, пылал, и, наконец, задыхавшийся невидимым врагом, подожав последние синеватого вышюшко, с тихим треском угас.

И вконец с этим треском в комнату вошла ночь.

Она влилась ему в лицо своим страшным, темным глазами, и от этого взгляда его охватил страх.

Желая уйти от этого взгляда, он вынул голову из окна, но и там всюду, везде была только она. Он отворачивался от нее, закрывал глаза,—она неподвижно стояла перед ним, черная, страшная, пустая... И он почтительно тогда, что она для него все.

Что она не имеет, в его сердце давно сидела титба свое, и вот теперь, расправив за его спиной, назв толовой, свои темными крыльями и сейчас унесет его на них куда-то в безбрежную пустоту.

И ничего не останется от него, кроме пустых, звонких слов, которые были лишь золотыми бубенчиками палца.

Михаил Митяшев.

ТЪНЬ БЕЗСМЕРТИЯ.

Рассказ.

От компании томили его. От самых, из, казалось, исходил адский траурный свист воспоминаний. Вещи, которые она любила, портреты, иконы, за-она фляги и пудры, тысячи одуховленных, горюхих и восхитительных, пустынь напоминали ему о ней, о недавней жизни, недавней смерти. В полумраке Альберт, казалось, плавать еще влинные порохи ее по-и, душистая влиния шемок, лег-удары клубочков о паркете. Ему досадно, что она здесь, таинственная неяркая, светло преобразившаяся, милая, влиная Лу. Он тиль-звал ее: «Лу, Лу, неужели ты вернешься?». Но было тихо; от-ных фонарей томно серебрила-тердин; фарфоровые амуры-ных часов ритмически плыли: Лу.

Альберт вскопчил, разбуженный от черных грезов, которая-ми им. Эти компании и одно-сведет его с ума. Он услы-веселенное журчанье городских в тиль вилу, и безосознательно его-дуло туда, в электрически выра-кафе и театров, где людские кружатся, как бабочки вокруг

жиде, чьей выш, от мапаль-бонде, кт зеркала и в мильной-глубин его увидыв свое изне-обретное лицо с черной-паллинка.

Ит,—подумал он удивленно,—с а Лу?

Тогда ему показалось, что легкая, тиль отразилась в зеркала-с влнм... Альберт странно-алая, ливливая перчатка, и в сказав громко в глубину мерцающего сумрака:

Лу, я ухожу, я вернусь через

преувеличенно, страшно, как-гробовой крышки, стукнула та-двери.

Альберт медленно спускался с ли-м. Ему казалось, что он слышит

таинственный шорох за своей спиной, и этот шорох непонятно сливался с черным кружевом воспоминаний, которые плела его усталая мысль.

Он думал, что Лу, как раньше, ждлет его там наверху со своих-бадким, прозрачным липком ру-салки. Он видыв ея ужкое черное платье на красном бархат куклетки... Она схибно поднимает брови, повто-рия слова своей, роли. И около—блестящая планка колокола, который она с-комической сосредоточенностью совет-«для вдохновения». Милая, ситляя Лу, моя маленькая великая актриса, ты-любил меня? Двй темная, бильная, ду-шпастая влиная яблоны обвиваются вокруг шеи. И голос Офеи пытал-по шеть из синего моря: «Сибт, я люблю колокол...» И скоро вернусь, моя девочка Лу, не случай без меня, Лу, синия овалки!

Альберт потрясает внимательный, булльничим взгляд швейцара и ду-жасть: «Но Лу умерла! Умерла...» Ея-нть и не будет никогда. Это непо-правимо...

«Неисправимо!», с металлическим-холодом поворачивает дверь. «Неисправимо!», мигает электрический фонарь. «Неисправимо, неисправно, неисправно!», кричат ветераны улнца-всими своим огнями, автомобилями, афишами, воспоминаниями, мшурой. И Альберт потрясается в этот бле-стящий, пылающий, зловещий океан неисправности.

Он шел медленно, безвольно, сло-вно увлекаемый легким потоком-шлять, улыбок, кружель, подовен-ных глаз, герольских тростей. Ве-черняя городская жизнь билась в своей обычной призрачной ярости. Го-рья-стеска зеркальных витрин с-фальшивыми бриллиантами, кричали разноязычные газет; суетно гудела-коммиссионная толпа вечерних про-гуляров. Веселое стыдливо-блудное небо прозрачно струилось над узким-коридором улнца, скалках домами, ослепленных электричеством, обя-

Кое-как сторговались, наконец, на-чертежки.

«Химик!», достал из своего сум-дука пухляк с какой-то блюватой-жидкостью, кусочек ваты и припаял-за работу.

«Господи благослови!»—едва успев

пыхнул подозрительным омышемем-кафе и театров.

Альберт шел все вперед, не раз-личая пути, инстинктивно стараясь не думать, забыть, отвлечься. Вдруг чья-то рука мягко ушла на его плечо; он увидел рядом с собою тонкий про-филь Жоржа.

— Здравствуй,—сказала Жорж, с-дружеской нежалью глядя на его си-лицо,—однако, ты выглядишь неважно...

Они шли молча несколько минут, проталкиваясь в толпе флаперов и-и кокеток, чьи шляпы и манто кричали-громче их порока.

Было-бы глупо с моей стороны-утешать тебя,—тихо говорил Жорж, моргая своими близорукими глазами-поэта,—смерть непознаваема, и наша-ярость или мольба разбиваются здесь-о влиный, безданный холод тайны. Но, виль, ты женщина, Альберт! Ты мо-лодая, можешь быть, впереди ждешь-тебя...

Смерть!—перелеб Альберт с-отчаянием,—смерть ждлет меня, как-тебя, как все эти несчастные, как-все живущие! Все принадлежит-тлннго, и когда я вижу эти толпы ве-селых, борющихся, плущих наслад-жения людей, они кажутся мнй толпою-блуждущей, стадою рвущихся овец, обреченных природой на впадание!.. К-чему все наши волнения, заботы, успи-хи, дльа, все эта пыль человеческой-безуды, когда смерть всем им под-ветлет краткий и страшный итог: ни-что! Нисколько дней тому назад бы-ла Лу, были ея руки, ея голос, глаза, запах, мысль—теперь все это пре-вратилось в ничто. Не прошло двух-пелть с тьх пор, как она уш-балас мнй со сцены и театр апно-дировал ея искусству и молодости, а-теперь ея больше не существует, ея-больше нть, она—ничто. Ничто!.. В-сизах-ли человеческое сознание ох-ватить, понять, примириться с этим?..

Альберт говорил с тихой и-страстной тоской, выглядывая в окошко-темнующее, влила фляка, небо, как-бы спрашивая у него отвта. Но суетно-катила свои привычные шумы безза-пленная, влиненная земля.

И тихо и метельно говорил Жорж:

— Да, безсмертие пока невозможно. Можеть быть, оно ждлет нас там, за-гранью этой жизни. Можеть быть, посл-тлпного плъна начинается волшеб-ная сказка, влиная греза лазурных-снов, чудо освобождения... кто знает? Часа человеческое хранит только од-ну золотую легенду безсмертия, чудес-ную поему Воскресения Спасителя... Но-наме, обыкновенным людям, остав-лена тоска по безсмертию, мечта, тиль-безсмертия. Мы находим эту тиль в-памятиках искусства и культуры, в-генеральное оживають перед нами их-кентавры творцы. Технические изобр-етения приносят нам на помощь, со-храняя лица и движения в фотогра-фиях и на лентах синамографа; го-лос и интонация заставляются в-заликах граммофона; тиль безсмертия-становятся все удивливее, и разн-не-сжимаются у тебя сердце от бле-зненного прелестия близости настоящего-безсмертия, когда человеческий гений-найдет способ оживить тиль в-образ?..

Альберт почти не слушал его. Сно-ва отъ узнавал таинственный шорох-Лу за своей спиной, точно теплое и-неуловимое дуновение около шеи.

— Прости,—сказал от Жорж,—я-покину тебя. Я устал... Мы поговорим-еще об этом.

И, не слушая, что кричит ему-вдаль заблудный друг, Альберт-почти поблжал вперед, странно чув-ствуя вместе и утрату Лу и ея-близости. Иногда ему казалось, что он-узнает шляпу и походку Лу впереди-себя, среди пестрых маленьких тол-

— Знаешь ли, как я потерял-лично представляю себе Митя картину-своего объяснения с инсектором... Подож, виль, хотль сделать, да не-удалось... Вот и «интервью», гово-ришь. Эти пункты мы знаем!.. и на-челть припоминать, что тебе в-...

ны, и тогда отъ «долго, с-бытьица-сердцем, догнать такую-нибудь жен-щину, пока с-братовитица и всту-пых не отпятились от чужих, впу-щих или равнодушных глаз инсо-пильбу банальной некалентности-при-ключений или модистки, поклонной-преследованием мужчин. Тогда Ал-берт говорил себе: «Я схожу с-тлз, Лу умерла. Моя маленькая Лу...» Но-какой-нибудь знакомый плът валь-то, нлтъбь ошны или очертанье плет-снова заставляли его пускаться в по-гошу за призраком далекой Лу.

Он не давал себе отвта в-бес-смысленности своих поисков, отъ-почти блжал, весь в поту, не-зап-чая дороги, кружась в каком-то-не-поддающемся, то блестимом, то-тем-ном кругу уныи и переломов.

Нлжний сумрак весеннего бала-гаст над городом; вверху, валь-пкое огромное, молчаливое живущее, притягивае толпа громады шлы и-ярче кричало безсмысленно-сблжнших-рекламы, и, чьм ближе к шты, тиль-яростнее становилась душная волна-механического разгуса.

Было похоже, будто все женщины-на удалях одты в красные, наль-кровь, шляпы и при свите этого алго-го зарева тайно и хитро блстли бе-спокойные зрачки мучилн... Альберт-видеть и не видать отот привычной-маскарад городской любви. Образ Лу-казался ему тильно потерянной-свя-тости, трогательной, но забытой чист-ти среди ночных испарений-похоти и-ничтожества. Ея свлтые, глубокие гла-за мерещились ему то там, то здесь, они звали его, отъ видать ея ужкое-черное платье на красном бархат-кушетки и отъ снова плалас за женщиной-в черном узком платье, которая, казалось, блжала от него, оглаиваясь-на прекрестках...

Он не замилжал, как очутился-то на полутемной улнц-рабочего-квартила. Невыразимая усталость-вдруг охватила его. Он безосознано-огнулся вокруг, как бы шна, где-то-отдохнуть. Все было пустынно, где-то-далеко стучали дрожки по мостовой и-чей-то пьяный голос кричал: «са-зем-ль-е-весь ро-од людской»...

Альберт увидыв огни жалкого-электрического театра, возл которого-толпились малышки, и малышко-пошел туда. «Должно быть, она там»,-бормотал от пересохшими губами, думая о женщинах в узком черном-платье, сдль которой отъ нлтерель-уже давно. Швейцар с-глазами обо-рзаша отворил ему дверь, которая-жалобно проскрибляла на блок. У-каси-стоили двй женщины и рабочий с-ребенком, сжесточенно сосавивши-свои пальцы. «Нть, я люблю ко-локол»...—глухо, точно из другого-мира услышал Альберт серебрилый-голос Лу.

Представление еще не-начиналось. Пожилая женщина с-железзан-ной шейкой, должно быть, жена-ла-потника или торговка зеленью, громко-звала около него, выливая висток-ли апеления. Садя два подростка-в-больших чувством читали ждущ-программу сенса. «Сена из Гамлета, в-исполнении известных артистов»...—услышал Альберт рвущийся, пл-ганный, но с-песнящими басенным-пониманием, голосом. подростка. Ал-берт вспоминал, что в тот день, когда Лу играла для кинематографа-Офею, шел дождь, и они должи-бы-ли спрятаться в коидтерскую. И он-нечаянно улыбнулся милому воспоми-нанию. Блудная Лу, она тогда арочная-ноги и члстала была тудекая носовы-милым платком!

Между тиль, в-ваз потухшим свет-ом и началось представление. Пелъ тихий-треск синамографической ленте-Альберт начал асыпять, чувствуя, как-усталость медленно потугает

Дорога все время шла пелым-на-рйдка порестав больша роин де-ревника, еще не распустившегося, но-уже переломившего свои ветви новой-модой жизнью, которая, неж-ровет, и зашумит радостной ждб-

степенный отпа, начал учиться, он унах, что, помимо публики, андшой имь вь театр, есть люди, которым не нужно ни хоастиных рёк, ни картонных лфсов, потому что все это есть у них настоящее, как есть и свои настоящие Гамлеты, Леры, Офелии.

Когда онь узнал это, ему захотелось этой настоящей жизни, онь почувствовал, что, действительно, настоящие люди были там, где все настоящее, а ть, которых онь до сих пор видфл вь театре, были не люди, а публики, что то другое, как же далеко от настоящего, как же далеко от него хоастиныя рёки и картонные лфса.

Бросить учиться, онь ухвхал вь деревню, но онь не долго прожил там. Ему вдруг стало невыразимо тоскливо.

Среди окружающих его тамь настоящих, как онь думал, людей, онь чувствовал себя каким-то одиноким, ненужным.

Боясь за то или иное дёло, онь чувствовал, что, вь сущности, берется за какую-то роль и, исполняя ее, онь тайнй ждал от окружающих одобрений и поощрений.

Онь чувствовал, как день ото дня становится все мертвей и мертвей, что жнал его как будто уже кончается, а онь, вьд, вь сущности, и не жнал еще, а лишь переживал своимь хоаствомь тысячу другихь жнаней.

Ему не раз вь такие минуты хотелось пойти кь тьм, которых онь всегда увлекал за собою куда-то, и крикнуть имь: «я лгу вамь... не вьрите мнй, когда я говорю, что надо куда то идти, куда то стремиться. Мы безвольныя былинки, кружащиеся вь луче солнца. Живите же солнечно и радостно каждый день и вы постигнете вьчность такь ясно и просто, какь давно ее постигли рьвые мотыльки, птицы, полевия дини, о которыхь говориль однажды Тоть Единый изь людей, который не испугался правды».

Но онь не сказаль этого: это было слишкомь просто и оттого недостуно пониманию тьх людей, которые ценили вь немь красивую, нарядную, неструю ложь, которая казалась новымь словомь, новымь откровениемь.

Кь чему же привела эта ложь? Вьд, рано или поздно, она должна была обнаружиться: и воть сегодня она обна-

словами оть черныхь грёз, которая обдабля имь. Эти компаты и одиночество следують его сь ума. Онь устал, вьсепное журчанье городскихь улиць тамь лину, и безотдельно его потянуло туда, кь электрическимь миражамь кафе и театровь, где людскиа толпы кружатся, какь бабочки кокрут очей.

Прежде, чьмь выйти, онь машинально подошел кь зеркалу и вь зеркале даекой глубинь его увидьл свое измученное небритое лицо сь черной тьной цилиндромь.

— Й?...подумаль онь удивленно,— а тьсь, а Лу?..

И тогда ему показалоь, что легкая, неясная тьнь отразилась вь зеркаль рядом сь нимь... Альберть странно улыбался, натягивал перчатки, и вдругь сказаь громко вь глубину траурно мерцающего сумрака:

— Лу, я ухожу, я вернусь черезь чась...

И преувеличенно, странно, какь ударь гробовой крышки, стукнула тяжелая дверь.

Альберть медленно спускался сь лестницы. Ему казалось, что онь слышить

Альберть вьража будущее вьглядь маеть: «Но Лу уже нтъ и не будеть вь правдо».

«Ненаправлено», холодно, полнотелымь—жизнеть эде «Ненаправлено, не нямь»— кричать всьмь своимь отья африками, восклицая Альберть потужаеть стипий, пьнящийся непоправимости.

Онь шел медленн но увлекательн, шлпшь, улыбокь, кь шлшь глазь, шельмь черная городская, своей обчной призра, вь стекла зеркала, фальшивыми брилл, разноязыки газет; коммеленная толпа, туровь. Весеннее небо прозрачно, коридоромь улиць, остлеленныхь алект

Домой на Пасху.

(Изь семинарского быта).

— 0 —

«Роспуск»!.. Это чувствовалось всюду... Вь опустынихь классахь, где были перевернуты вверхь ногами столы и парты, валялись кучами изобразенныя тетради, поломанныя ручки и разбитыя чернильницы... Вь семинарскомь дворе, где, точно на базаре, безпорядочными, кривыми рядами тинулись и вдоль и поперекь возы и брычки сь привязанными кь нимь лошадками, тощими и сытыми, низкорослыми и высокими, самыхь разнообразныхь мастей. Это прьбхали подводы за «панчами» изь близкихь и дальнихь деревень. Ямщики вмьстй сь панчами выносили изь спальныхь номеровь сундуки, корзины, чемоданы, свертки; соия и крахмал, вьзаваливали ихь на подводы, привязывали, привязывали, жостили...

А изь открытыхь оконныхь форточекь трехэтажного корпуса неслись огромныя волны не звуковь, а какой-то дикой какофонии, вь которой смьшалось все: смьх, птьбе, говорь, пиликанье скрипокь, звуки духовыхь инструментовь, крики и стукотия.

Это корпусь первыхь трехь классовь... Самый беззаконный и отчаянный народь, которыхь преимущественно составляють семинарскй карьерь, «голодный столъ» и кондуктныя журналь...

Воть девятый номерь—второклассниковь. Клубы пыли и табачнаго дыма, кучи курьковь, хвбныхь короекь, селедочныхь головь и хвостовь, костей и всякаго иного сора валяются на полу, на кроваткахь, табурахь и подоконникахь. На одной койкй играють вь

стукоты, на другой вь преферанс, на третьей—вь банчкь... Одинь усердно деретъ на скрипкй какой-то вальс, нисколько се смущаясь, что тут-же рядомь сь нимь ньсколько человекь орутъ во все горло: «Ой тамь за Дунаемь», а изь другой комнаты торжественно доносять: «Да исправится»... Бортьянкоаго.

Вь укромномь уголке собралась небольшая, но теплая компания и пьеть водку, закусывая экспропрированной у товарища Юхима деревенской колбасой.

Вмьстй сь ними пьеть и самь потерьбшй, герой моего рассказа, Митя Юхимовичь, довольно рослый, хотя совсемь еще юный малый, сь едва выпущившимся усами.

Полчась назадь за нимь тоже прьбхала «подвода» изь деревни, где его дядя, о. Василь, былъ священникомь и куда онь обычно фэдл на праздни- ки, такь какь другихь родныхь у него не было. Изь дому прислали ему сь ямщикомь письмо, 50 копеекь на дорожные расходы и торбу сь колбасой. Пока Митя читалъ тетино письмо, товарищи стинули торбу, раздобыли водку и сьби за трапезу.

Вь сущности это было оченьь кстати: Митя самь не прочь былъ выпить, чтобы разогнать скверное настроение...

А скверно чувствовалось оттого, что вь отпускомь билетй торчала двойка по латыни, да еще, какь нарочно, препорочная, сь выпитеннымь брахомь, такь что и поднести трудно!

«Оно, конечно, наплевать,—старался утешить себя Митя.—Можно похвхать и сь двойкой. Какое имь дёло? Тоже опекуны нашлись! Присылаютъ по потнть и думаютъ—благодтители».

Но какь ни старался Митя «наплевать», все таки выходило, что безь двойки было бы и спокойнйе, и приятнйе...

«Какь бы это ее поднести?»—настойчиво свернула одна и та же мысль.

Выпилъ Митя ньсколько стаканчикь водки, посоветовался сь товарищами,—и выходь былъ найденъ... Оказалось, вь третьемь классе есть «химикъ», до чиста выворотивший какой-то жидкостью двойку и единичку... Беретъ онь за свою «химию» по 20 коп. оть двойки и по полтиннику оть единички, но ежели «пронохаеть», что потерьбшй не прочь залатыть и по рублю, лишь бы не вести домой доекь, то сдеретъ и по рублю... Поэтому «надо держать сь нимь фасонъ» и виду не показывать, что ты урученъ и ждешь оть него благодарня!

«Ну, сь меня-то онь не сдеретъ!—подумалъ Митя,—потому, что мнй, действительно, наплеваеть... Могу и сь двойкой похвхать... Больше 20 коп. не дамь,—решилъ Митя и пошелъ разыскивать «химика».

«Химикъ» жналь отакемь выше, вь 15 номерь. Здсь стоялъ такой же кавардакь, какь и вь девятке.

«Химикъ» внимательно осматривалъ залопухнувшую двойку и запросилъ 50 к.

— Больно ужь она у вась большая и жирная!—сказалъ онь дьловитымь тономь мастера:—сь ней одной будеть больше работы, чьмь сь тремя худощавыми.

Но Митя рьшительно запротестовалъ: во 1-хь, сосьмь она ужь не такая большая и толстая, а во 2-хь, отдавать послдний полтинникъ за какую-то паршивую двойку—это тоже благодарь долорно! Нтъ ужь, лучше совсемь не лать!

Кое-какь сторговалъ четвертакь.

«Химикъ» досталъ дукь поцелуекь сь жидкостью, кусочекь за работу.

«Господи благослови!»—подумалъ Митя, какь двойки, онь увидьл ную оиюю классу...

— Это что-же та Митя.

— Ничего... просто... оаюбойю отбтъи нался выпирать классу.

Класска посела... неа очутилась дырка.

— Ахь ты, чорть дьяса «химикъ»... Вьриль я вамь, что сь больше работы, чьмь цамь!

— А какогь-жь вь не за свое дёло, коли разсвирьблъ Митя и отвьсилъ «химикую» зво... Началась драка, пьводится, сбьжались по номеромь... Едва удараивать «химикъ» и ихь вь разные стороны...

Но общее сочувствйе Мити. Во 1-хь, онь наклаь химикую, а ты «химикъ» и берешь убить часто рабь водить людей!...

Пряшло Митй вь билета... Это было, коно что-жь подьзаеть?

Было бы еще неприяно-таки рьковозной скому Трубь, испектвой билета. Митя вьлоаь, и ему Труба вьрилъ бы, что онь поте

только его
жизнь
иногда
иногда
иногда

машиналь-
в матовой
своей паз-
сы черной
дизельно,—

что легкая,
в зеркаль
стремно
риатки, и
в глубину
ка:
нись через
ишно, как
тунула тя-
ался с лѣ-
нот слышать

ть,—старал-
Можно по-
нмъ дѣло?
Прислаива-
магнителн-
и «маше-
и, что безъ
е, и прят-
нть»?—на-
а же мысль
о стаканчи-
о товари-
иенъ... Ока-
есть «хи-
и какой-то
и... Беретъ
20 коп. отъ
и единицы,
и потерпѣ-
и по рублю,
и двоекъ, то
иному «надо
и виду не
и и ждешь

е одереть!—
то мнѣ, дѣ-
иу и съ двой-
иоп. не дамъ,
и разыскивать

и выше, въ
такой же ка-
есть.
и осмотрѣть
и просилъ 50 к.
и вась боль-
и дѣловы-
и ней одной
и съ тремя

и протестовалъ:
и такъ не такая
и 2-хъ, отдавать
и какую-то
иже благодарю
иные совѣсь

и протестовалъ:
и такъ не такая
и 2-хъ, отдавать
и какую-то
иже благодарю
иные совѣсь

«Неоправимо!», съ металлическим
холодом повторилъ дѣверъ. «Неоправимо!»—мигаетъ электрический фонарь.
«Неоправимо, неоправимо, неоправимо!»—кричитъ потерявъ лица
вѣки своими огнями, автомобилями,
афишами, восклицаніями, мишурой. И
Альбертъ погружается въ этотъ бле-
стящій, пынщійся, зловѣщій океанъ
неоправимости.

Онъ шелъ медленно, безвольно, сло-
вно увлекаемый легкимъ потокомъ
шпиль, улыбокъ, кружевъ, подведен-
ныхъ глазъ, шегольскихъ тростей. Ве-
черняя городская жизнь билась въ
своей обычной призрачной ярости. Горь-
ко-стекла зеркальными витринами съ
фальшивыми бриллиантами, кричали
разноязычки газетъ; суетно гудѣла лег-
комоторная толпа вечернихъ про-
тотуровъ. Весеннее стыдливо-блѣдное
небо прозрачно струилось надъ узкимъ
коридоромъ улицъ, сжатыхъ домами,
ослѣпленныхъ электричествомъ, обра-

Кое-какъ торговались, наконецъ, на
четвертакъ.

«Химикъ» досталъ изъ своего сум-
дука пухлячекъ съ какой-то бѣловатой
жидкостью, кусочекъ ваты и принялся
за работу.

«Господи благослови!»—едва успѣвъ
подумать Митя, какъ вдругъ вмѣсто
двойки, онъ увидѣлъ на билетѣ огром-
ную синюю кляксу...

— Это что-же такое!—разсердился
Митя.

— Ничего... просто нечаянно капну-
ло,—спокойно отвѣтилъ тотъ и при-
нялся вытирать кляксу ватой...

Клякса исчезла... но увя!—вмѣсто
нея очутилась дырка.

— Ахъ ты, чортъ возьми,—разсер-
дился «химикъ».—Вотъ видите, гово-
рю и вы вѣдь, что съ вашей двойкой
больше работы, чѣмъ съ тремя едини-
цами!

— А какого-жъ вы чорта взяли за
не за свое дѣло, коли не понимаете?—
разсвѣрилъ Митя и, недолго думая,
отвѣсилъ «химику» звонкую пощечину...

Началась драка, на которую, какъ
водится, сбѣжались любители изъ всѣхъ
номеровъ... Едва удалось товарищамъ
равнять «химику» и Митю и оттащить
ихъ въ разные стороны...

Но общее сочувствие было на сторо-
нѣ Митя. Во 1-хъ, онъ такъ «задрово»
накалалъ химику, а во 2-хъ, «разъ-
тъ «химику» и берешь деньги, то дол-
женъ ухитъ что-то работать, а не под-
водить людей...

Пришлось Митѣ ѣхать домой безъ
билета... Это было, конечно, неприятно,
но что-жъ подѣлаешь?

Было бы еще неприятнѣе—да и пря-
мо-таки рискованно—идти къ «нашему»
Трубу, инспектору, просить дру-
гой билетъ. Митя былъ на счету «па-
лоуха», и ему Труба все равно не позы-
рилъ бы, что онъ потерялъ.

бритенъ прихотливъ намъ на помощь,
сохраняя лица и движенія въ фотогра-
фияхъ и на лентѣхъ кинематографа; го-
лосъ и нотоподъ заставляютъ въ за-
пискахъ граммофона; тѣмъ безсмертія
становятся все условнѣе, и развѣ не
сжимается у тебя сердце отъ блажен-
наго предчувствія близости настоящаго
безсмертія, когда человѣскій тѣнь
найдетъ способъ оживить тѣнь въ
образѣ?..

Альбертъ почти не слушалъ его. Сно-
ва онъ узналъ таинственный шорохъ
Лу за своей спиной, точно теплое и не-
уловимое дуновенье около шеи.

— Прости,—сказалъ онъ Жоржу,—я
покажу тебя. Я усталъ... Мы поговоримъ
еще объ этомъ.

И, не слушая, что кричитъ ему
вслѣдъ заботливый другъ, Альбертъ
почти побѣжалъ впередъ, странно чув-
ствуя имѣетъ и утрату Лу и ея блу-
зеты. Иногда ему казалось, что онъ
узнаетъ пляску и походку Лу впередъ
себя, среди пестрыхъ мельканій тол-

— Знаемъ мы, какъ вы потеряли,—
живо представилъ себѣ Митя картину
своего объясненія съ инспекторомъ.—
Подлогъ, вѣрно, хотѣли сдѣлать, да не
удалось... вотъ и «потерялъ», гово-
рить!.. Эти штуки мы знаемъ!—и на-
чнетъ припоминать про тебя, что было и
чего не было, а въ заключение напи-
шетъ на новомъ билетѣ такую про тебя
аттестацию, что хуже десяти двоекъ!..
Да еще обяжетъ расписку отъ дяди
привезти, что тотъ аттестацию про-
челъ и сдѣлалъ мнѣ надлежащее вы-
сужденіе!.. Нѣтъ ужъ, лучше совсѣмъ
безъ билета... вывернусь какъ нибудь,
—рѣшилъ Митя и даже повеселѣлъ отъ
мысли, какъ ловко онъ падуетъ о. Васи-
лія... ну, а о теткѣ и безпокойся
нечего: та ни за что не догадается въ
чемъ дѣло!

Успокоившись на этой мысли, Митя
собралъ свои убогіе пожитки, сложилъ
ихъ въ сумку, выпилъ съ зучеромъ
Мойсеймъ по «шпалку» водки на до-
рогу и тронулся въ путь.

Домой было всего 30 верстъ, но
Мойсей, получившій отъ батюшки за
провозъ панича всего 3 руб., жалѣлъ
своихъ «мшнать» и потому почти всю
дорогу плелся шагомъ...

Митя уже по опыту зналъ, что по-
лучитъ Мойсей безполезно; тотъ все
равно найдетъ какую нибудь отговорку:
либо «дяде слышно», либо «дяде
топко», съ горы «страшно», а на го-
ру «тяжело» и т. п.

Зарывшись въ солому и растяну-
вшись во всю длину «драбнишка», Ми-
тя хотѣлъ было проспать до самаго до-
ма... Но развѣ можно было заснуть,
когда такъ радостно лучилось яркое
солнце, такъ ласково заигрывалъ теп-
лый вѣтерокъ и такъ возбуждающе
дѣйствовалъ крипкій весенній запахъ
зеленѣющихъ полей, такъхъ свѣжизнь и
сочныхъ, что даже апатичные, замор-
енные кони-«мшнаты» не одинъ разъ
обнаружали склонность свернуть за
канаву вѣтеръ съ «драбнишкой».

Представленіе еще не началось.
Появилась женщина съ порываю-
щей щекой, должно быть, женой ла-
почника или торговка зеленью, громко
зѣвала около него, выплевывая истокъ
апельсина. Сзади два подростка въ
большимъ чувствомъ читали вслухъ
программу сенса. «Сцена изъ Гамлета,
въ исполненіи знаменитыхъ артистовъ»...
—улыбался Альбертъ рвущійся, ри-
зливый, но съ внезапными басовыми
пошлостями, голосъ подростка. Аль-
бертъ вспоминалъ, что въ тотъ день,
когда Лу играла для кинематографа
Офею, шелъ дождь, и они должны бы-
ли спрятаться въ кондитерскую. И онъ
нечаянно улыбнулся милому воспомина-
нію. Бѣдная Лу, она тогда променяла
ноги и чистила бѣлые туфельки посо-
выми платкомъ!

Между тѣмъ въ залѣ потушили свѣтъ
и началось представленіе. Подъ тихій
трескъ кинематографической ленты
Альбертъ началъ засыпать, чувствуя,
какъ усталость медленно погружаетъ

Дорога все время шла полями, на-
рѣдка пересѣкая большія роши бе-
резняка, еще не распустившася, но
уже перелопачивающа свои листья новой
молодой жизнью, которая, потъ-потъ,
прорвется и зашумитъ радостной зеле-
ной листвою.

Кругомъ было такъ хорошо, бодро и
весело, что Митя былъ даже радъ этой
медленной прогулкѣ на «мшнаты».

Надо было лежать—онъ сидѣлъ, под-
жавъ ноги; надо было сидѣть—онъ
вставалъ и шелъ бѣжкомъ по зеленой
полевой мѣстѣ... ну, и, конечно, всю до-
рогу свѣсилъ, пилъ и курилъ во все
свое удовольствіе!

Въ Шумскѣ остановились, подкорми-
ли «мшнаты», вышли и подкачали
сами и двинулись дальше.

Уже вечерѣло, когда они подъѣзжали
къ Дубамъ. «Мшнаты» почувствова-
ли близость дома и побѣжали бѣстрые.
Вотъ показались растопырившіеся въ-
трьки на краю села, старый помѣщи-
чій домъ съ мезониномъ, окруженный
садомъ... Замелькали знакомыя кре-
стьянскія хаты... школа, сельская «рас-
правка» съ «холодной»... Вотъ и пере-
улокъ, ведущій къ церкви... А вотъ и
дома!

Митя соскочилъ съ воза и пошелъ
черезъ аллею: онъ еще издали замѣ-
тилъ тамъ Вѣру и Нину, сѣвшихъ дво-
родныхъ сестеръ, уже взрослыхъ дѣв-
очекъ, съ которыми онъ жилъ весело
и дружно и которыя всегда его под-
держивали.

«Надо дѣхъ предупредить на всякій
случай»,—подумалъ Митя и сталъ ти-
хонько подкрадываться, чтобы его не
замѣтили.

Вѣра и Нина перебирали вучу вер-
бы, приготовленной для черенки, и
такъ увлеклись своей работой, что
совсѣмъ не замѣтили, какъ Митя
подкрался и стегнулъ вербой одну изъ
другую.

— Ну, дѣвысь? Не чортяка-жъ!—
изумились тѣ.—Видишь се ты ухлысь?

10

10

(Разсказъ).

1.
 2.
 3.
 4.
 5.
 6.
 7.
 8.
 9.
 10.
 11.
 12.
 13.
 14.
 15.
 16.
 17.
 18.
 19.
 20.
 21.
 22.
 23.
 24.
 25.
 26.
 27.
 28.
 29.
 30.
 31.
 32.
 33.
 34.
 35.
 36.
 37.
 38.
 39.
 40.
 41.
 42.
 43.
 44.
 45.
 46.
 47.
 48.
 49.
 50.
 51.
 52.
 53.
 54.
 55.
 56.
 57.
 58.
 59.
 60.
 61.
 62.
 63.
 64.
 65.
 66.
 67.
 68.
 69.
 70.
 71.
 72.
 73.
 74.
 75.
 76.
 77.
 78.
 79.
 80.
 81.
 82.
 83.
 84.
 85.
 86.
 87.
 88.
 89.
 90.
 91.
 92.
 93.
 94.
 95.
 96.
 97.
 98.
 99.
 100.

12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100
 101
 102
 103
 104
 105
 106
 107
 108
 109
 110
 111
 112
 113
 114
 115
 116
 117
 118
 119
 120
 121
 122
 123
 124
 125
 126
 127
 128
 129
 130
 131
 132
 133
 134
 135
 136
 137
 138
 139
 140
 141
 142
 143
 144
 145
 146
 147
 148
 149
 150
 151
 152
 153
 154
 155
 156
 157
 158
 159
 160
 161
 162
 163
 164
 165
 166
 167
 168
 169
 170
 171
 172
 173
 174
 175
 176
 177
 178
 179
 180
 181
 182
 183
 184
 185
 186
 187
 188
 189
 190
 191
 192
 193
 194
 195
 196
 197
 198
 199
 200
 201
 202
 203
 204
 205
 206
 207
 208
 209
 210
 211
 212
 213
 214
 215
 216
 217
 218
 219
 220
 221
 222
 223
 224
 225
 226
 227
 228
 229
 230
 231
 232
 233
 234
 235
 236
 237
 238
 239
 240
 241
 242
 243
 244
 245
 246
 247
 248
 249
 250
 251
 252
 253
 254
 255
 256
 257
 258
 259
 260
 261
 262
 263
 264
 265
 266
 267
 268
 269
 270
 271
 272
 273
 274
 275
 276
 277
 278
 279
 280
 281
 282
 283
 284
 285
 286
 287
 288
 289
 290
 291
 292
 293
 294
 295
 296
 297
 298
 299
 300
 301
 302
 303
 304
 305
 306
 307
 308
 309
 310
 311
 312
 313
 314
 315
 316
 317
 318
 319
 320
 321
 322
 323
 324
 325
 326
 327
 328
 329
 330
 331
 332
 333
 334
 335
 336
 337
 338
 339
 340
 341
 342
 343
 344
 345
 346
 347
 348
 349
 350
 351
 352
 353
 354
 355
 356
 357
 358
 359
 360
 361
 362
 363
 364
 365
 366
 367
 368
 369
 370
 371
 372
 373
 374
 375
 376
 377
 378
 379
 380
 381
 382
 383
 384
 385
 386
 387
 388
 389
 390
 391
 392
 393
 394
 395
 396
 397
 398
 399
 400
 401
 402
 403
 404
 405
 406
 407
 408
 409
 410
 411
 412
 413
 414
 415
 416
 417
 418
 419
 420
 421
 422
 423
 424
 425
 426
 427
 428
 429
 430
 431
 432
 433
 434
 435
 436
 437
 438
 439
 440
 441
 442
 443
 444
 445
 446
 447
 448
 449
 450
 451
 452
 453
 454
 455
 456
 457
 458
 459
 460
 461
 462
 463
 464
 465
 466
 467
 468
 469
 470
 471
 472
 473
 474
 475
 476
 477
 478
 479
 480
 481
 482
 483
 484
 485
 486
 487
 488
 489
 490
 491
 492
 493
 494
 495
 496
 497
 498
 499
 500
 501
 502
 503
 504
 505
 506
 507
 508
 509
 510
 511
 512
 513
 514
 515
 516
 517
 518
 519
 520
 521
 522
 523
 524
 525
 526
 527
 528
 529
 530
 531
 532
 533
 534

[illegible]

явил на
 скрывать
 и своим
 , грёзо
 обуждено

 снаться
 возматье
 тосякно
 нать одну

 туться по

 лить.

его в тяжелое забытие. Должно быть, показывали что-то очень комическое, потому что жена лапочника с переизвращенной шеклой то-и-дело громко вскрикивала от удовольствия, точно ее щекотали.

«Господи, Господи!..» — сквозь дрему слышала Альберт ее восторженный восклицание.

Когда он открыл глаза, соседка уже не смейлась.

«Лу умерла!..» — вспоминал Альберт и вдруг увидя на экране свою маленькую Лу в костюме Офелии. Она грустно улыбалась, глядя прямо на него. Потом она достала цветы из пивной корзинки и, что-то напевая, начала разбрасывать их на пол, как часто делала дома. Слабо пивались два теплых, бледных, душистых вѣточка лаванды. И из синего моря глаз лились знакомые теплые лучи...

Тысячи острых, странных, бесумных чувств охватили душу Альберта и повели ее в какой-то дурный, стѣсненный мрак.

«Лу живая, — горло в его голове, — она умерла, но она воскресла!..»

Лу знакомым движением наклонила голову, и Альберт увидя на обложившей шейку узенькую золотую цепочку, на которой она носила его медальон. Потом она еще раз очень печально посмотрела на него, одѣла несколько шагов ему навстрѣчу, оглянулась на людей, которые окружали ее, и что-то сказала, беззвучно шепеля губами. Должно быть, она звала его уйти

отсюда. Но почему ничего не слышно? Лу, почему не слышно, когда ты говоришь?

Альберт, вполнѣ, полный сумасшедшим радости и тоски. Он подблизился к своей соседке, мимо угрожающе, молчаливых рядов стульев, прямо к экрану, ощутил холодную упругость полотна и закричал:

— Лу живая! Лу воскресла! Но почему ты молчишь, Лу? Неужели там, сдѣлали тебя глупой?.. Лу!

Въ залъ поднялся шум.

— Прекратите сейчас! — кричал кто-то тошным, испуганным голосом.

Альберта окружили. Жена лапочника съ переизвращенной шеклой говорила, обращаясь ко всемъ:

— Этотъ господинъ сразу показывается подозрительнымъ.

— Надо послать за докторомъ, — серьезно совѣтовалъ рабочий, крѣпко держа за руку плачущаго ребенка.

Альберт съ восхищенно-перекосеннымъ лицомъ, съ мокрыми, спутанными волосами, озирался на нихъ блестящими, радостными глазами и, подмигивая, съ хитрымъ упрямствомъ безумнаго шептала:

— Она живая. Она умерла и воскресла!

И еще тише и таинственнѣе прибавляла:

— Маленькая Лу безсмертна...

И плакала и смѣялась отъ остраго, необычнаго, горькаго счастья.

Пессимистъ.

— Истинно: вола ноги горятъ... Старикъ въ этотъ разъ что то плохое себя чувствовалъ — его тоило предчувствие.

Спустя нѣсколько дней, возвратился домой младший сынъ, Савка. Пришелъ пѣшкомъ и безъ гроша, его вѣстуха, «собоиорытъ» каторжника, а о старшемъ братѣ, Данилѣ, не было ни слуху, ни духу.

Только черезъ двѣ недѣли, подъ вечеръ, Данило въѣхалъ въ свою свободу на хорошей сѣрой кобылѣ, въ крашеной повозкѣ, на окованныхъ колесахъ.

Ему повезло и, довольный собой, онъ сѣлѣлся, лишь бы засвѣтло проскочить въ свой дворъ.

Но при въѣздѣ въ село у воротъ крайней хаты, Данило увидѣлъ прѣтеля Фомку, съ которымъ вѣстѣ парубковалъ и не разъ встрѣчалъ у него поддержку въ своихъ темныхъ дѣлахъ.

Фомка позвалъ расшнуровываться, а Данила хотѣлось похвастаться своими успѣхами. Онъ захватилъ съ прѣтелемъ.

Была уже темная ночь, когда Данило въѣхалъ въ Фомки. На дворѣ была темнота, хоть глаза выколи, ни впередъ, ни обокъ ничего не видно.

Ставъ на козлы въ передкѣ повозки и зарвавъ возжи въ одну руку, Данило возмалхнулъ шуткомъ и помчался полнымъ ходомъ домой. До двора ему оставалось пробѣжать всего съ полверсты, но на пути былъ плохенький мостикъ, черезъ который необходимо было переѣзжать съ большою осторожностью, шагомъ.

Этотъ мостъ всегда представлялся Кнышамъ предательскимъ мѣстомъ.

Только миновать его, они могли беззаботно продолжать свой путь.

И въ этотъ разъ передъ мостомъ обычная тревога охватила Данилу, но не успѣвъ онъ еще сосредоточиться на этой мысли, какъ предъ нимъ встала черная тѣнь.

Вудто изъ-подъ земли кто то вынырнулъ и ударомъ по затылку оразилъ его наповалъ.

Данило упалъ лицомъ въ передокъ и выпустилъ возжи.

— Коломъ по головамъ...

— И не коломъ, а валомъ съ зѣлками... заспирани гости за поминальнымъ столомъ у Кнышей послѣ похоронъ.

Разговоръ шелъ громко, въ открытую, не стѣсняясь присутствіемъ всей семьи убитаго.

Въ углу, подъ иконами, ощутивъ голову, сидѣлъ старый Кнышъ и слушалъ повѣствованіе о томъ, «какъ оно было», слушать уже далеко не въ первый разъ.

— А на концѣ зала была еще и банушка! не утерѣлъ не догадывъ эту похорошность молодой парень, которому, какъ видно, хотѣлось показаться свою близость къ общественному подвигу.

Имя самого «героя»-убійцы не произносилось, но секретомъ оно на дѣло не было.

И всѣ рѣшительно, не исключая и самыхъ близкихъ родныхъ покойнаго Данилы, просто и спокойно смотрѣли на происшествіе. Все представлялось имъ естественнымъ и неабыкновеннымъ.

— Такъ тому быть! — говорить братъ Савка.

— А мнѣ за одно досадно, жаловался старый Кнышъ, какъ онъ, скупясь, слылъ, — старикъ при этомъ кивнулъ какъ бы въ сторону покойника, — на такой кобылѣ ѣхалъ и полагался! Да и въ его годы, будучи на такой коннѣ, ни за что бы не дался.

И тутъ же добавлялъ:

— Туда ему и дорога. Неудачникъ! Не теперь, такъ послѣ, а при намѣнѣ

— Онъ, являя редкостъ, возжи и лось похвѣстывали.

Возжи закружи и стага. А обѣтѣ же трагическому повозку.

— Эй, земля, — озаваля Каротъ

панкѣ Данилу.

Кирюха и видъ встрѣтившихся съ роной отъ дороги

Наканунѣ похорода власти, и вояки изъ губер

Народу собралъ огородами, на цѣлѣствіе. Парней арѣвнѣ, ставили съ арѣвнѣ почти причастными къ этой переносной по

водилъ на пѣмъ предпріятельно до

Кучий «Фуксъ» труппа, два раза повозку, а затѣмъ фронтомъ подошри

«Фуксъ» шелъ вѣрнѣмъ безразъсѣбно орудова

тотъ моментъ, и съ однимъ изъ пѣ

рый и весьма не щикъ деруэтъ с

Это было едѣ

поняла, что отъ «Фуксъ» мом

залажалъ и броси редъ нимъ пари

— Взять его вой.

И Павла п какъ именова

фамили владѣ

Впротѣмъ, че вернулся домо

мый п, какъ все

Его осознани

бы то ни было

вида и собачья

Да начался

какъ и за ч

Кнышъ.

Ставоной д

своей взглядъ

— По-дѣл

дома, въ слоб

вамъ поля?

На поминк

Косматые сердца.

(Разсказъ).

о о

Семья Кнышей, отецъ и два сына, занимались коноводствомъ.

Промышляли они открыто, не стѣсняясь, и если гдѣ-нибудь по близости случалась кража лошадей или рогатаго скота, то всѣ въ одинъ голосъ твердили:

— Это дѣло Кнышей.

Кнышей «струсили», дѣлами у нихъ обсыжи, но работали они чисто и поймавъ ихъ съ полиціею не удавалось. Краденое они всегда успѣвали передать своимъ сообщникамъ, живущимъ на сторонѣ.

Вся округа клялась и божилась, что Кнышамъ не сдобровать, что ихъ проучатъ, но молодые Кныши на это хвастливо заявляли:

— Чорта лысого! Не поймаете!

Но хитры противъ неожиданныхъ нападѣній они все же принимали. Ночью нигде изъ Кнышей открыто на улицѣ не показывался, въ одиночку они рѣдко появлялись и всегда засвѣтло старались возвращаться домой.

Недавно братья Кныши, Данило и Савка, среди благо дня просидѣвали по улицѣ своей слободы, Шаалаевой, на парѣ хорошихъ лошадей съ неизвѣстными спутниками.

Не успѣли они въѣхать во дворъ, сейчасъ же послали за водкой.

Вся деревня Шаалаева позвала къ нимъ «полюбоваться», кто и откуда съ ними прѣбывалъ.

Кныши всѣмъ были рады, всѣмъ угощали и ничуть не ссылались, что лошади были краденныя, но издалека, а новыхъ товарищъ ихъ — бывшій каторж

— Надо выпустить ихъ за околицу.

И палавцы совѣщались, шептались, распредѣляли роли, кому прѣ быть и что дѣлать.

Кругомъ всего села засѣли охотники. Были заняты пункты: подъ мостомъ, за вѣтряками и подлѣ креста на перекрѣстѣ. И такъ два дня сидѣли «на засидѣхъ».

А во дворѣ Кнышей все это время день и ночь шла публа. То-и-дѣло посылали «еще за четвертью», варили вареники, жарили ячичищу, пекли картошки.

И вотъ тутъ то, во время выпивки, кто то изъ почитателей и не утерѣвъ, шепнулъ коноводамъ два слова.

Кныши втрепенувшись, соваля опасность своего положенія и протрезвились.

На третій день утромъ внезапно, сразу, распахнулись ворота усадьбы Кнышей и на улицу выхлѣсъ выдѣлѣсь три всадника — братья Кныши и ихъ гости-каторжники.

Всѣ трое направились въ равныя стороны, вразсыпнувшись, и держались не по дорогѣ, а прямо въ поле.

Старый Кнышъ выпѣлъ въ ворота на улицу, посмотрѣлъ ихъ вслѣдъ и на глазахъ у всѣхъ перекрестился.

Въ это же время, возвращаясь, проходили мимо него озорничные неудачливыя охотники. Кто съ дубиной, кто съ дѣрмомъ, были и съ косами.

— Съ Кнышомъ, какъ и обычно, адрорывались и небрежно бросали вопросъ:

— Куда это хлопцы подался?

А старый Кнышъ дѣлалъ равнодушный видъ и нисколько не интересовался

— Это дело Кнышей.
Кнышей «труслив», дѣлалъ у нихъ обманъ, но работалъ они что-то и поимать ихъ съ политичнымъ не удавалось. Краденое они всегда успѣвали передать своимъ сообщникамъ, живущимъ на сторонѣ.

Вся округа клалась и божилась, что Кнышамъ не одобровать, что ихъ проучать, но молодые Кныши на это хвастливо завылали:

— Чорта лысого! Не понимаете!

Но хитры противъ неожиданныхъ нападений они все же принимали. Ночью нѣкто изъ Кнышей открыто на улицѣ не показывался, въ одиночку они рѣдко показывались и всегда засѣдло старались возвращаться домой.

Недавно братья Кныши, Данила и Савка, среди благо днѣ прослѣдовали по улицѣ своей слободы, Шаалаевой, на парѣ хорошихъ лошадей съ неизвѣстными спутниками.

Не успѣли они вѣхать во дворъ, сейчасъ же посланы за водкой.

Вся деревня Шаалава позвала къ нимъ «любопытствовать», кто и откуда съ ними прѣхалъ.

Кныши всѣмъ были рады, всѣхъ угостили и ничуть не ссылались, что лошади были краденны, но издавѣка, а новый товарищъ ихъ—бѣглый каторжникъ.

Шаалавцы угощеніе охотно принимали, съ бѣглымъ арестантомъ заправились, прѣстѣли вели бесѣду, а про себя думали:

Надо проучить!

Но сдѣлать нападеніе въ своей слободѣ, тутъ же въ усадьбѣ считалось не ловкимъ:

— Пробрался, яко тать... Обаче не изумляйтесь, дѣтери прекрасныя,—началь Митя своимъ обычнымъ шутивымъ тономъ, а прежде всего обоимъ другъ друга по родственному обычаю,—и Митя сдѣлалъ было попытку обнять и поцѣловать одну и другую, но тѣ съ визгомъ и хохотомъ стали отъ него отбиваться.

— Ну, не хотите—какъ хотите! Подождемъ до завтра,—примирился Митя.—А теперь вотъ что, слушайте: прѣхалъ я къ вамъ безъ паспорта... понимаете?

— Якъ безъ паспорта?—переспросила Нина.

— Ну, да говоря короче, безъ билета.

— Отъ тоби развѣ... да гдѣ-жъ онъ дѣвался?

— Фюй!—овиснулъ Митя—и откровенно рассказалъ всю злополучную исторію съ «химникомъ».

— Ага! Попался, горобчику, у чулокъ! Достанется-жъ теперь тоби у чубокъ!—шутиливо пугнула его Вѣра.—Якъ-же ты теперь выкрутишься?

— Э, зрунда! Просто скуку: забавлять, и конечно дѣло! Только вы ужь, дѣвчата, глядите мнѣ: не выдавать и не подводить, какъ это печально съ нами случается, а стойте за меня крѣпко, сколько языка хватитъ!

Когда Митя съ сестрами пришелъ домой, о. Василій не было: онъ ушелъ уже въ церковь. Въ столовой сидѣла одна матушка и приготовляла чай.

Митя весело, какъ ни въ чемъ не бывало вошелъ, поздоровался съ теткой и сразу-же принялся за чай...

Стали, какъ водится, разсказывать деревенскія новости. Митя—свои городскія и семинарскія... Словомъ,—все шло хорошо.

Но, вдругъ тетка вспоминала:

— А билетъ хорошій привезъ, Митя?

что дѣлать.

Кругомъ всего села засѣли охотники. Были заняты цуныты: подъ мостомъ, за вѣтряками и подлѣ креста на пересадкахъ.

А во дворѣ Кнышей все это время день и ночь шла публа. То-и-дѣло посылали «еще за четвертью», варили вареники, жарили яичницу, пекли картошки.

И вотъ тутъ то, во время выпивки, кто то изъ почителей и не утерпѣвъ, шепнуть конокрадамъ два слова.

Кныши встрепенулись, сознали опасность своего положенія и протрезвились.

На третій день утромъ внезапно, сразу, распахнулись ворота усадьбы Кнышей и на улицу вихремъ выплеснулись всадники—братья Кныши и ихъ гость-каторжникъ.

Вѣтрое направились въ разные стороны, вразсыпную, и держались не по дорогѣ, а прямо въ поле.

Старый Кнышь вылезъ изъ ворота на улицу, посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и на глазахъ у всѣхъ перестраивался.

Въ это же время, возвращаясь, проходили мимо него ошоренные неудачей охотники. Кто съ душой, кто съ цѣпкомъ, были и съ юсами.

— Съ Кнышомъ, какъ и обычно, здоровались и небрежно бросали вопросъ:

— Куда это хлопцы подались?

А старый Кнышь дѣлалъ равнодушный видъ и нисколько не интересовался знанъ, откуда его сосѣди возвращались въ неурочное время съ юсой или цѣпкомъ.

На вопросъ же, куда поѣхали его сыны, съ циничной откровенностью бурчалъ:

— Билетъ? О, прямо на славу!—не сморгнувъ сталъ врать Митя—три четверки, двѣ пятёрки и остальные—тройки!

— Да ну?

— Вотъ вамъ и ну!

— А покажи!

Митя сталъ шарить по всѣмъ карманамъ съ такимъ серьезно-сосредоточеннымъ видомъ, что, глядя на него, Вѣра и Нина едва сдерживались, чтобы не прыснуть со смѣха.

— Гм... Куда-же это я его ткнулъ?—недоумѣвалъ вслухъ Митя,—вѣроятно, положилъ въ сундукъ... Нина! пойдѣ, голубчикъ, поиди,—обратился онъ къ сестрѣ:—тамъ, въ сундукѣ, должно быть.

Нина закусила губы, вышла въ переднюю, постояла здѣсь минутку и вернулась обратно.

— Нѣтъ, его тамъ,—объяснила она: можетъ быть, ты забылъ взять?—на-мекнула Нина.

— Нѣтъ, не можетъ быть... Вотъ я сейчасъ самъ поиду,—сказалъ Митя и сдѣлалъ попытку встать пѣз-за стола.

— Мама, съ чего это вамъ такъ приспичило?—поддержала Митю Вѣра.—Дайте ему чаю напиться, успѣете, вѣдь, еще посмотрѣть!

Не станетъ-же вамъ Митя врать о своихъ отжиткахъ!

— Дѣйствительно, стану я врать,—обидѣлся Митя. Что-жъ я для вашего удовольствія что-ли учусь?

Поддержала еще и Нина—и неприятный разговоръ о билетѣ былъ какъ-то замѣтъ.

Однако—не надолго!

Черезъ часъ вернулся изъ церкви о. Василій—усталый отъ долгой службы и злой по случаю какой-то новой неприятности, безъ которой, впрочемъ, не обходился для о. Василія ни одинъ праздникъ.

— А! Митро прѣхалъ!—равнодушно замѣтилъ о. Василій, входя въ

дѣло и выпустивъ вожака.

— Колосъ по голови...

— И не колосъ, а вѣлосъ съ вѣлками... вѣлосъ гостя за поминальнымъ столомъ у Кнышей послѣ похоронъ.

Разговоръ шелъ громко, въ открытую, не стѣсняясь присутствіемъ всей семьи убитого.

Въ углу, подъ иконами, ощущая голоду, сидѣлъ старый Кнышь и слушалъ повѣствованіе о томъ, «какъ оно было», слушалъ уже далеко не въ первый разъ.

— А на концѣ ваза была еще и башлушка! не утерпѣвъ не добавивъ эту подробность молодой марень, которому, какъ видно, хотѣлось показывать свою близость къ обществуному подданію.

Имя самого «героя»-убійцы не произносилось, но секретомъ оно не для кого не было.

И вотъ рѣшительно, не исключая и самыхъ близкихъ родныхъ покойнаго Данила, просто и спокойно смотрѣли на происшествіе. Все представлялось вполне естественнымъ и необъяснимымъ.

— Такъ тому бытъ!—говорить братъ Савка.

— А мнѣ за одно досадо, жаловался старый Кнышь, какъ онъ, сунувъ сыпъ,—старикъ при этомъ кивнулъ какъ бы въ сторону покойника,—на такой кобылѣ ѣхалъ и попался?! Да я въ его годы, будучи на такой коннѣ, ни за что бы не дался.

И тутъ же добавлялъ:

— Туда ему и дорога. Неудалый! Не теперь, такъ послѣ, а при намѣтѣ занятія конецъ ему былъ бы одинъ.

— Кобыла рублей сто, а то я больше стоить, а онъ не ушелъ... И младшій Кнышь Савка тоже съ укоризной мертвому брату качалъ головой.

столовую и на ходу цѣлуясь съ племянникомъ.—Здоровъ буди!

— Ну, и проклятый-же мужикъ!—Сразу-же подбѣгала о. Василій своей послѣдней неприязнью.—Такъ и заровнять, якъ-бы попа надуть! Я ему говорю: чего-жъ ты мнѣ 5 коп. тычешь, когда по таксъ за исповѣдь полагается 20? А онъ...

— Да кто-онъ?—переспросила матушка.

— Ахъ, да Опанаса Захарчука сыпъ, что въ дворянскѣхъ въ городѣ служилъ!—истерично пояснилъ о. Василій.—Такъ онъ мнѣ въ отвѣтъ: «я, говорите, не знаю, что вы, батюшка, по таксъ исповѣдуете... У насъ, въ городѣ, сколько положили, столько и беруть» Ишь, якій разумный съ рода вернулся! Не зналъ?! Память за годъ отбѣло!—Ну, говорю я ему,—якъ ты, голубчикъ, не знаешь, то поиди, принеси еще 15 коп. и тогда будешь знать!

— Ну, а винъ что?—любопытствовала матушка.

— Да ничого! Думаешь, такъ сейчасъ тоби и побить за 15 коп. якъ-же!

О. Василій сѣлъ за столъ и принялся за чай.

— Ну, разсказывай, Митро,—обратился онъ послѣ маленькой паузы къ племяннику: какъ дѣла, какъ учишься? — Да, слава Богу, ничого! удачно-творительно!—скромно отвѣтилъ Митя.

— Говорить, что привезъ двѣ пятёрки и три четверки,—люхвастала тетка.

— О, это хорошо! А поведеніе якъ?

— И поведеніе тоже пять,—своралъ Митя.

— А ну, Митенька,—пристала снова тетка,—поиди-же, достань билетъ и покажи дѣдѣ...

— Вотъ приспичило ей, дѣйствительно!—сердито взглянуть на нее Митя...

или обидѣлся Митя. Что-жъ я для вашего удовольствія что-ли учусь?

Поддержала еще и Нина—и неприятный разговоръ о билетѣ былъ какъ-то замѣтъ.

Однако—не надолго!

Черезъ часъ вернулся изъ церкви о. Василій—усталый отъ долгой службы и злой по случаю какой-то новой неприятности, безъ которой, впрочемъ, не обходился для о. Василія ни одинъ праздникъ.

— А! Митро прѣхалъ!—равнодушно замѣтилъ о. Василій, входя въ

дѣло и выпустивъ вожака.

— Колосъ по голови...

— И не колосъ, а вѣлосъ съ вѣлками... вѣлосъ гостя за поминальнымъ столомъ у Кнышей послѣ похоронъ.

Разговоръ шелъ громко, въ открытую, не стѣсняясь присутствіемъ всей семьи убитого.

Въ углу, подъ иконами, ощущая голоду, сидѣлъ старый Кнышь и слушалъ повѣствованіе о томъ, «какъ оно было», слушалъ уже далеко не въ первый разъ.

— А на концѣ ваза была еще и башлушка! не утерпѣвъ не добавивъ эту подробность молодой марень, которому, какъ видно, хотѣлось показывать свою близость къ обществуному подданію.

Имя самого «героя»-убійцы не произносилось, но секретомъ оно не для кого не было.

И вотъ рѣшительно, не исключая и самыхъ близкихъ родныхъ покойнаго Данила, просто и спокойно смотрѣли на происшествіе. Все представлялось вполне естественнымъ и необъяснимымъ.

— Такъ тому бытъ!—говорить братъ Савка.

— А мнѣ за одно досадо, жаловался старый Кнышь, какъ онъ, сунувъ сыпъ,—старикъ при этомъ кивнулъ какъ бы въ сторону покойника,—на такой кобылѣ ѣхалъ и попался?! Да я въ его годы, будучи на такой коннѣ, ни за что бы не дался.

И тутъ же добавлялъ:

— Туда ему и дорога. Неудалый! Не теперь, такъ послѣ, а при намѣтѣ занятія конецъ ему былъ бы одинъ.

— Кобыла рублей сто, а то я больше стоить, а онъ не ушелъ... И младшій Кнышь Савка тоже съ укоризной мертвому брату качалъ головой.

Однако, пришло

сочувственно послѣ по поддержать его

Долго Митя при своимъ сундукомъ искалъ тамъ чего

Вѣра и Нина зглядывались межъ ворчики, тревожили

Наконецъ, Митя

— Нѣтъ биле

Куда-же я мотъ изворачивался, и

о. Василія.

— Ну, вотъ, т

тетка.—Куда-жъ

Митя сдѣлалъ

насть: — Вѣроятно,

оставилъ... да, да вѣрно! хотѣлъ не

— Ну, ну! Не

рвать его о. Ва

— Да, ей Бо

жился Митя.—К

вамъ брехать?

— А кто тебя

шенъ!—равноду

Василій.

— Но почему

допускаете, что

забылъ билетъ?

ручку Нина,—эт

пился поскорѣ

складывалъ все

Сколько разъ

лось, и съ Вѣро

помните, какъ

рѣю и забыли к

— Папаша в

рить!—встала

Какъ только что

это уже обязате

— Конечно,

на своемъ о. Ва

можно забыть ч

Да знаешь-ли

къ Митѣ,—это

ма жоси торжеств...
...разъ что то плохо
...его тумано предчув...

дней, возвратились
...Савка. Пришел
...грохот, его кругом
...гранит, а о стар-
...не было ни слуху;

въ пѣтля, подъ ве-
...кавъ въ свою слобо-
...рой кобылѣ, въ кра-
...ованнахъ коле-

ольный соборъ, онъ
...завѣтло проско-
...въ село у воротъ
...на увидѣвъ прите-
...мѣхъ въбѣтъ паруб-

въ передѣхъ повожи-
...одну руку, Данило
...и помысливъ поа-
...Д. До двора ему
...всего съ пол-

былъ плохенький
...горой необходимъ
...большой островъ
...да представлялся
...кимъ мѣстомъ.

...онъ молча без-
...вой путь.
...передъ мостомъ
...тила Данилу, но
...середоточиться на
...дѣ нимъ встала

...ми кто то вы-
...по ватылку ора-
...ицѣхъ въ пере-
...и...
...валомъ съ вѣд-
...на поминальнѣхъ
...тъ похоронъ.

...мо, въ откры-
...отсутствіемъ всей
...и, ощутивъ го-
...Книшъ и слу-
...момъ, сказъ оно
...далеко не въ

...а была еще и
...не добавитъ
...и парней, кото-
...бѣхъ показатъ
...ественному по-

...бійщи не про-
...оно ни какъ
...не исключая и
...хъ покойнаго
...бойно смотрѣла
...представлялось
...неизбѣжнѣхъ.

— Онъ, значитъ, какъ упалъ въ по-
редокъ, везши и вышустить, продолжа-
лось повѣствованіе объ убитомъ Дани-
лѣхъ.

Возки закружились въ колесо, лошади
и стага. А сборщикъ Кирюха шелъ
тытъ же тракторомъ, да и наткнулся на
повозку.

— Эй, землякъ, заснулъ? Что ли?
— овалася Кирюха и потрѣпалъ рукой по
шанкѣ Данилу. Рука стала мокрой,
липкой... Рядъ—она въ крови.

Кирюха и видѣлъ, какъ кто то, по-
стрѣтившись съ нимъ, обходилъ сто-
роной отъ дороги...

Наканувъ похоронъ прѣзжали изъ
города власти, дѣлали дознание, при-
вономъ изъ губерніи «сыскающую» собаку.

Народу собралась тыла. На луту на
огородами, на просторѣ произвѣдилось
сѣдствіе. Парней, бывшихъ въ подо-
рѣвнѣ, ставили въ рядъ, шеремежку
съ людьми почтенными, завѣдомо не-
причастными къ убійству, и передъ
этой переносной полицейской сыскаль-
проводить на цѣпочкѣ собаку. Собакѣ
предварительно дали понюхать убитого.

Кудий «Фуксъ» засуетился около
трупа, два раза даже вскакивалъ на
повозку, а затѣмъ его повели передъ
фронтномъ подозрѣваемыхъ лицъ.

«Фуксъ» шелъ извѣдливо весело, со-
вершенно безразлично относясь ко
всѣмъ окружающимъ людямъ. Но въ
тотъ моментъ, когда онъ поравнялся
съ однимъ изъ парней, имѣвшимъ хму-
рый и весьма недовольный видъ, сы-
щикъ дернулъ слегка за цѣпочку.

Это было едва замѣтно, но собака
поняла, что отъ нея требуютъ.
«Фуксъ» моментально ошестинился,
залагалъ и бросился на стоявшаго пе-
редъ нимъ парня, Павла Клименко.

— Взятъ его!—скомандовалъ стано-
вой.

И Павла повезли «до Кудмана»,
какъ именовалась у насъ тюрьма, по
фамилии владыцы этого званія.

Впрочемъ, черезъ мѣсяцъ Клименко
вернулся домой. Какъ всегда, угрю-
мый и, какъ всегда, «смотреть чортомъ».

Его освободили за отсутствіемъ какихъ
бы то ни было уликъ, кромѣ суроваго
вида и собачьего зая.

Да начальству и такъ было ясно,
какъ и за что пострадалъ Данило
Книшъ.

Становой даже открыто высказалъ
свой взглядъ по этому поводу:
— По-дѣломъ! Дураски только, что
дома, въ свободѣ, расправились. Мало
вамъ поля?

На поминкахъ всѣмъ бросалось въ
глаза, что старикъ Книшъ «здорово
осунулся», имѣлъ землѣмъ прѣтъ
лица и все хватался рукой за грудь.

— А старикъ то подался...
— Было и ему. Развѣ не знаете?
— Передъ самой Филипповкой у ка-
закъ Петра Ивановича покарентъ былъ
скотъ, пара быковъ и корова.

Петро Ивановичъ съ урядникомъ ки-
нулся на Веселемъ Хутора. Три дня
продолжалъ и вернулся, конечно, ни съ
чѣмъ.

Ночью, когда они подъѣзжали уже
къ своему хутору, повстрѣчалась имъ
подвода.

Было очень грязно и сворачивать съ
дороги не хотѣлось ни тому, ни дру-
гому.

— Сверните, пожалуйста, мы съ ва-
гою... попросились въ подводу.
Обыкая встрѣчныхъ, Петро Ива-
ничъ съ урядникомъ увидѣлъ, что три
человѣка везли какія то длинныя брев-
на. Одинъ вѣлъ лошади, два шли сзади.

— Книши гдѣ то осыны докарли,
протѣвѣли сквозь зубы урядникъ.
Петро Ивановичъ восторженулся. Въ
духѣ у него еще жила обиды за
украденный котъ и къ тому же ка-
закъ былъ глубоко убѣжденъ, что кра-
жа отъ совершенна не безъ участія хо-
рошо всѣмъ извѣстныхъ Книшъ.

Молодые Книши бросились на-утѣкъ.
Данило—впередъ по дорожѣ, Савка
скрылся куда то въ бокъ, въ поле.

Урядникъ погнался за Данилой, а
Петро Ивановичъ остался при старомъ
Книшѣ.

Ни слова, не говоря, Петро Ива-
ничъ ударомъ въ ухо сблизъ съ ногъ
Книша.

— Это тебѣ за...
Не успѣлъ Петро Ивановичъ окончить
фразу, какъ передъ нимъ вынырнула
изъ темноты фигура съ топоромъ.

Это былъ Савка. Онъ залѣтъ-было
въ пахоты, но, когда понялъ, что
Петро Ивановичъ остался одинъ, явился
на помощь къ отцу.

— Тебѣ что надо? Что вамъ за-
дѣло? И Савка валянулся топоромъ.
Петро Ивановичъ, какъ вы сами зна-
ете, чествовъ при здоровьи и съ ухватъ-
ми,—не поддавался. У него въ рукахъ
была палка и онъ отбилъ ударъ то-
пора.

Но дѣло было дрянъ и Петру Иваны-
чу плохо пришлось.

Старый Книшъ будто кланяется въ
ноги Петру Ивановичу, проситъ помилос-
вать, а самъ въ то же время все ло-
витъ его за ноги, чтобы свалить каза-
ка на землю.

Петру Ивановичу—хоть пропадать!
И онъ долго еще отбивался. Стар-
ый Книшъ подползаетъ, а Петръ Ива-
ничъ его въ морду ногой,—и отшвыр-
нулъ, и отшвырнулъ.

На счастье вернулся, наконецъ,
урядникъ.
Савка ту же минуту скрылся, а ста-
рого Книша принесли тогда учить
Петро Ивановичъ съ урядникомъ.

И было жъ ему! Съ того дня все и
кашадеть...

Но какъ оно все у насъ забывается?
Осмотрите: ночь и Петро Ивановичъ си-
дѣтъ за поминальнѣхъ, обдумъ на по-
чтѣномъ мѣстѣ рядомъ съ Книшомъ.

А казакъ, дѣйствительно, явился на
помины и вѣлъ угощеніе—декантный
разговоръ съ хозяиномъ.

— Что это вы, Антонъ Павловичъ,
все кашляете? Или вамъ вседорива-
ется?—заботливо, почти нѣжно, спраши-
валъ Книша суровый казакъ, Петро
Иванычъ.

— Вы спрашиваете, Петро Ивановичъ,
отчего я кашлю, отчего хвораю?—
сверкнувъ глазами, прошипѣлъ Книшъ.

— Это я черезъ васъ, Петро Ива-
ничъ, хвораю. Вы мой вѣкъ укоротили.
За столомъ всѣ притихли.

А Книшъ съ угрозою отчеканилъ:
Если бы у меня силы были
такіе, какъ я былъ смолоду, васъ,
Петро Ивановичъ, давно бы уже на
свѣтѣ не было!

Отъ крутого слова Книша всѣмъ
стало неловко, но за угощеніемъ скоро
все спадло. Разговоръ снова вату-
дѣлъ во всѣхъ углахъ. И всюду слова
и снова пла рѣчь о томъ, «какъ оно
было».

А старикъ Книшъ еще много разъ
поминалъ убитого сына.

— Какой онъ мнѣ сынъ? На такой
конѣи и попался... Хамлетъ и больше
ничего! Туда ему и дорога!

А съ вами, Петро Ивановичъ, мы еще
повстрѣтаемся. Буду и я въ вапѣ
хатъ на поминкахъ, любезно улыбаясь,
кланялся отъ своему врагу.

Ничуть не смутился казакъ Петро
Иванычъ:
— Что жъ, милости просимъ, жа-
луйте!

Ив. Огневъ.

Безъ заглавія.

Пасхальный перезвонъ...

Во имя и память Того, кто на землѣ
былъ Единственнымъ и Одинокимъ.

Царственно прекрасно и безмѣрно
радостно одиночество.

И самая грусть одиночества—свѣт-
лая радость.

Пасхальный перезвонъ не тревожить,
но подчеркиваетъ и отбѣиваетъ тишину
одиночества.

Я—вмѣстѣ съ моимъ самымъ близ-
кимъ другомъ, роднымъ, какъ кровь
собственного сердца, любимымъ, по-
куда не измѣнявшимся и не торговавшимъ
изъ-за проявленій отбѣвноты любви.

У моего друга—только одно достоин-
ство. Но оно дороже и больше всѣхъ
добродѣтелей и достоинствъ, существую-
щихъ на свѣтѣ, вмѣстѣ взявъ.

Ему нѣтъ цѣны, цѣры и сравненія!
— Мой другъ чуднѣе всего человѣ-
ческаго.

У него нѣтъ сознанія, наличность
котораго превратила бы нашу дружбу
въ отчетную вѣдомость взаимныхъ от-
ношеній.

У него нѣтъ разсудка, который бы,
какъ сыщикъ, слѣдилъ за мной и учи-
тывалъ мой каждый шагъ.

Нѣтъ совѣсти, которая обязываетъ
имѣть безукорыненное свидѣтельство о
моральной благонадежности.

Пасхальный перезвонъ не тревожить,
но подчеркиваетъ и отбѣиваетъ тишину
одиночества.

Я—вмѣстѣ съ моимъ самымъ близ-
кимъ другомъ, роднымъ, какъ кровь
собственного сердца, любимымъ, по-
куда не измѣнявшимся и не торговавшимъ
изъ-за проявленій отбѣвноты любви.

У моего друга—только одно достоин-
ство. Но оно дороже и больше всѣхъ
добродѣтелей и достоинствъ, существую-
щихъ на свѣтѣ, вмѣстѣ взявъ.

Ему нѣтъ цѣны, цѣры и сравненія!
— Мой другъ чуднѣе всего человѣ-
ческаго.

У него нѣтъ сознанія, наличность
котораго превратила бы нашу дружбу
въ отчетную вѣдомость взаимныхъ от-
ношеній.

У него нѣтъ разсудка, который бы,
какъ сыщикъ, слѣдилъ за мной и учи-
тывалъ мой каждый шагъ.

Нѣтъ совѣсти, которая обязываетъ
имѣть безукорыненное свидѣтельство о
моральной благонадежности.

Нѣтъ принятиго—какъ прививается
опа—лушества долга, которое больше
напоминаетъ исполнителный листъ и
судебнаго пристава, чѣмъ внутреннюю
обязанность.

Онъ не предъявляетъ ни моральныхъ,
ни политическихъ, ни социальныхъ

улыбиматумовъ, превращающихъ жизнь
въ сплошное обязательное постановле-
ніе.

У него нѣтъ ни программы, ни ка-
техизиса, ни убѣждений, которыя такъ
часто напоминаютъ лавочную вывеску
о торговлѣ медочнымъ—только мечо-
выми—припасами.

Ему чуждо все то, что всякій му-
рецъ, апостолъ и подвижникъ одно-
чества заискивалъ чуждыми афо-
ризмами:

— Человѣческое, слишкомъ человѣ-
ческое...

И за все это я его люблю, моего
единственнаго, неодинкаго только со
мною, одинокимъ, другомъ.

Этотъ другъ—моя комната. Комната,
въ которой я живу и работаю, который
решиво бережетъ мое одиночество и
дастъ мнѣ его.

И я люблю ее, какъ символъ и пріютъ
ненарушимого, цѣломудреннаго одно-
чества.

Ибо нѣтъ ничего радостнѣе и пре-
краснѣе одиночества.

Благонѣстѣе пасхальные колокола:
— О воскресеніи Того, кто былъ
Единственнымъ и Одинокимъ.

Царственность и величіе—въ созда-
ніи одиночества.
И самая грусть одиночества—свѣт-
лая радость.
Христосъ, Будда, Магомедъ, Моисей,
Вольтеръ, Репанъ и Толстой были:
— Одинокими.

А. Смоляковъ.

иногда кто то
оказъ по вѣзку ар-
хъ. Значитъ въ пере-
лѣ поски.
голова...
съ, а вѣстою въ атомъ
ости въ поминальни-
а поскъ похорошъ.
го трома, въ откры-
съ присутствіи вой

пономанъ, оутѣнять го-
арый Киньтъ и сау-
о томъ, скажи оно
уже далеко не въ

въ бала была еще и
терять не добавитъ
молодой парень, кото-
о, хотѣлось показать
въ общественному по-

роа-ушійся не про-
кредомъ оно ни для

мыно, не исключая и
въ родныхъ покойнаго
и спокойно смотрѣли
... Все представлялось
нѣмъ и неважнымъ.
ому быть!—говоритъ

одно досадно, жаловалъ-
съ, какъ онъ, скупивъ
при этомъ акнвнулъ
ему покойника,—на та-
къ и попался?! Да я
лучи на такой коннѣй,
дажъ.

башалъ:
и дорога. Неудалый!
послѣ, а при нашемъ
му былъ бы одинъ.
лей это, а то я больше
не утѣшъ... И младшій
тоже съ укоризной
ачалъ головой.

оду бѣзусъ съ плаво-
въ будъ..

клятый-же мужикъ!—
о. Василий своей
постыю.—Такъ и Ва-
нопа надуть! Я ему
ты мнѣ 5 коп. тычеши,
а исповѣдь полагается

2?—переспросила ма-

Опанаса Захарчука
ворничалъ въ городѣ
блжно пояснить о
нѣ мнѣ въ отвѣтъ:
зналъ, что вы, ба-
исповѣдаются... У насъ,
ко положишь, столько
нѣкий разумный съ го-
е зналъ?! Память за
говору я ему,—какъ
е зналъ, то пойдй,
коп. и тогда будешь

по?—любопытство-

Думаешь, такъ сей-
добитъ за 15 коп.?

въ за столъ и при-

ывай, Мытро,—обра-
маленькой пазы къ
дѣла, какъ учишься?
Богу, ничего! удовле-
вомно отнѣять Митя.

по привезъ дѣй пѣтер-
ветверки,—похвастала

по! А поведение якъ?
е тоже пять,—совралъ

нѣмъ,—пристала спо-
же, достань билетъ

нѣмъ, пристала спо-
же, достань билетъ

фамиліи владѣла этого одя-
дѣ. Впрочемъ, черезъ мѣсяцъ Киньмо
вернулся домой. Какъ всегда, упрямъ
и, какъ всегда, смотрѣлъ чортмаъ.
Его основательно на отсутствіи ка-
къ бы то ни было утѣшилъ, крошкѣ сурового
ида и собачьего лапъ.

Да начальству и такъ было ясно,
какъ и за что пострадалъ Данило
Киньтъ.

Становой даже открыто высказалъ
своей взглядъ по этому поводу:

— По-дѣламъ! Дураки только, что
дома, въ слободѣ, расправлялись. Мало
вамъ, поля?

На поминкахъ всѣмъ бросалось въ
глаза, что старый Киньтъ сѣдорово
осупову, вымѣлъ землетрясѣ цвѣтъ
лица и все хватался рукой за грудь.

— А старикъ то подался...

— Вышло и ему. Развѣт не спаете?

— Передъ самой Филипповкой у ка-
закъ Петра Ивановича покраденъ былъ
скотъ, паря быковъ и корова.

Петро Ивановичъ съ урядникомъ ки-
нувшись на Веселемъ Хутора. Три дня
пробавали и вернулись, конечно, ни съ
чѣмъ.

Ночью, когда они подъѣзжали уже
къ своему хутору, повстрѣчались имъ
подвода.

Было очень грязно и сворачивать съ
дороги не хотѣлось ни тому, ни дру-
гому.

— Сверните, пожайлуста, мы съ ва-
го... попросили съ подвода.

Обязавъ встрѣчныхъ, Петро Ива-
ничъ съ урядникомъ увидѣли, что три
человѣка звали какія то длинныя брев-
на. Одинъ велъ лошадей, два шли сади.

— Киньтъ гдѣ то осыни покрали,
процѣдилъ свозъ зубы урядникъ.

Петро Ивановичъ востроенулся. Въ
душѣ у него еще жила обидъ за
украденный скотъ и къ тому же ка-
закъ былъ глубоко убѣжденъ, что кра-
жа эта совершена не безъ участія хо-
рошо всѣмъ извѣстныхъ Киньтей.

— Надо вернуться! Стой, гдѣ взя-
ли осыни?

Однако, пришлось идти. Вѣра и Нина
сочувственно посмотрѣли ему вслѣдъ,
но поддержать его уже не нашлось.

Долго Митя громыхалъ въ передней
своими сундуками, точно и впрямъ
искалъ тамъ чего-то.

Вѣра и Нина молча сидѣли и пере-
глядывались между собой, какъ заго-
ворники, тревожно-любопытными взгля-
дами...

Наконецъ, Митя вернулся.

— Нѣтъ билета! Вотъ, штука-то?

Куда-же я мотъ спунтъ?—сталъ онъ
изворачиваться, искося поглядывая на
о. Василия.

— Ну, вотъ, тебѣ разъ!—изумилась
тетка.—Куда-жъ ты его дѣлѣ?

Митя сдѣлалъ видъ что припоми-
наетъ:

— Вѣроятно, въ сѣбрѣхъ пиджакъ
оставилъ... да, да... такъ оно и есть...
вѣрно! хотѣлъ переложить и забылъ...

— Ну, ну! Не брешь, Мытро!— обо-
рвалъ его о. Василий.

— Да, ей Богу-же, правда!—побо-
жился Митя.—Какая мнѣ корысть
вамъ брехать?

— А кто тебя знаетъ, чего ты бреш-
ешь!—равнодушно отвѣтилъ о.
Василій.

— Но почему-же, папаша, вы не
допускаете, что Митя на самомъ дѣлѣ
забылъ билетъ?—выступила на вы-
ручку Нина,—это такъ просто! Торо-
пились поскорѣ выѣхать, второпили
складывать вещи—ну, и забыли!

Сколько разъ и со мною такъ случа-
лось, и съ Вѣрой... да и съ вами!
помните, какъ вы фхали въ консисте-
рію и забыли камизлавку?

— Папаша никогда ничему не вѣ-
ритъ!—ставила свое слово и Вѣра.—
Какъ только что не по-лхему—такъ
это уже обязательно: «брехня»!

— Конечно, брехня!—пастыналъ
на своемъ о. Василій. Якъ таки такъ
можно забыть ученичскій паспортъ!—

Да заплѣтъ-ли ты,—обратился онъ
къ Митѣ,—что урядникъ... да чего

Пасхальный перевонъ...
Во имя и память Того, кто на землѣ
былъ Единственнымъ и Одинокимъ.
Царственно прекрасна и безмѣрно
радостно одиночество.
И самая грусть одиночества—свѣт-
лая радость.

Пасхальный перевонъ не тревожитъ,
но подчеркиваетъ и отбѣляетъ тишину
одиночества.

Я—вмѣстѣ съ моими самыми бли-
зкими друзьями, родными, какъ кровь
собственного сердца, любимыми, ни-
когда не изжившимъ и не торговав-
шимся изъ-за пропавшей отнѣтной
любви.

У моего друга—только одно достои-
ство. Но оно дороже и больше всѣхъ
добродѣтелей и достоинствъ, существую-
щихъ на свѣтѣ, вмѣстѣ взятыхъ.

Ему нѣтъ цѣны, мѣры и сравненія:

— Мой другъ чуднѣе всего человѣ-
ческаго.

У него нѣтъ сознанія, наличности
котораго превратилъ бы нашу дружбу
въ отчетливую вѣрность взаимныхъ от-
ношеній.

У него нѣтъ разсудка, который бы,
какъ сыщикъ, сдѣлалъ за мною и учи-
тывалъ мой каждый шагъ.

Нѣтъ совѣсти, которая обязываетъ
имѣть безукоризненное свидѣтельство о
моральной благонадежности.

Нѣтъ привычки—какъ прививается
оспа—чувства долга, которое больше
напоминаетъ исполнительный листъ и
судебнаго пристава, чѣмъ внутреннюю
убѣжденность.

Онъ не предъявляетъ ни моральныхъ,
ни политическихъ, ни социальныхъ

такъ братъ урядника?—просто нашъ
староста Григорій Комаръ имѣетъ пра-
во хоть сейчасъ отправить тебя на-
задъ по этапъ! Понимаешь ты это?

— Ого! Еще что выдумаете? Мож-
но, въ кандалы закуе?—засмѣялся
дѣвчынъ.

— ..И что я,—продолжалъ о. Васи-
лій, недовольно посмотрѣвъ на дочерей,
—не могу за тебя теперь даже и
поручиться... Потому—кто тамъ тебя
знаетъ, чего ты тамъ натворилъ? Мо-
жетъ, ты укралъ что, можетъ убилъ
кого...

— Ну, и скажешь ты иногда, Ва-
силъ, такое, что и кучи не держится,
—перевела его жена при сочувствен-
номъ смѣхѣ дочерей.

Это начинало уже раздражать о.
Василія.

— Да замолчите, вы, наконецъ!—
прикрикнулъ онъ на нихъ.—Что васъ
Мытро нанялъ, что-ли, подблуживать
ему?

Настала неловкая, непріятно-глухая
тишина.

«Эхъ, дѣло мое, кажется, выйдеть
совсѣмъ табакъ!»—тоскливо подумалъ
Митя.

О. Василій, помолчавъ немного, пасу-
пичился, какъ смѣхъ, побараванилъ
толстыми пальцами по столу и снова
заскрипѣвъ своимъ ошншимъ баскомъ:

— Я говорю, что ученикъ безъ би-
лета—это не ученикъ, а какъ-бы въ
ролѣ бродяги.

Почему ты пожелалъ прѣхать сюда
бродягой, а не честнымъ, легальнымъ
ученикомъ—я не знаю.

Но такъ какъ я долженъ сіе знать,
по обязанности дяди, замѣняющаго
тебѣ отца, то—отгорюшилъ о. Василій
Митю:—завтра-же утромъ ты поѣдешь
обратно, въ семинарію, и привезешь
оттуда яко-бы забытый тобою билетъ
съ пѣтерками и четверками!

— Марына!—позвалъ о. Василій
служанку.—Сбѣрай до Мольея и скажи

улитматумомъ, превращающій жизнь
въ сплошное обязательное постановле-
ніе.
У него нѣтъ ни программъ, ни ла-
техниса, ни убѣждений, которыя такъ
часто напоминаютъ лѣтнюю вышивку
о торговлѣ мелочницами—только мелоч-
ницами—припасами.

Ему чуждо все то, что всякій муд-
рецъ, апостолъ и подвижникъ одно-
чества заклеймилъ чуждыми афо-
ризмами:

— Человѣческое, слишкомъ человѣ-
ческое...

И за все это я его люблю, моего
единственнаго, неодинскаго только со
мною, одинокимъ, друга.

Этотъ другъ—моя комната. Комната,
въ которой я живу и работаю, которая
реливно бережетъ мое одиночество и
дастъ мнѣ его.

И я люблю ее, какъ символъ и пріютъ
неизреченнаго, цѣломудреннаго одно-
чества.

Ибо нѣтъ ничего радостнѣе и пре-
краснѣе одиночества.

Благовѣстять пасхальные колокола:
— О воскресеніи Того, кто былъ
Единственнымъ и Одинокимъ.

Царственность и величіе—въ созда-
ніи одиночества.

И самая грусть одиночества—свѣт-
лая радость.

Христосъ, Будда, Магометъ, Моисей,
Вольтеръ, Ренанъ и Толстой были:

— Одинокими.

А. Смоляковъ.

ему чтобы завтра рано онъ приготовилъ
подводу: панчухъ поиде у городъ!

Марына раскрыла даже ротъ отъ
изумленія.

Но не мѣня были изумлены и всѣ
остальные.

«Вотъ такъ выкрутился!»—алобно
подумалъ Митя и помянулъ «химика»
впечатлѣннымъ словомъ.

Сдѣлавъ распоряженіе насчетъ Мой-
сѣя, о. Василій ушелъ въ свой кабин-
етъ, и у всѣхъ сразу-же развязались
языки.

Долго говорили, совѣтовались, спо-
рили, но, въ концѣ концовъ, всѣ четве-
ро пришли къ заключенію, что какъ
крупи—ни верги, а бхать Митѣ прѣ-
дется. Больно ужъ упрямый человѣкъ
былъ о. Василій: ежели что ввердетъ
ему въ голову—ничѣмъ не выш-
бешъ!

На другой день Митій повезъ обрат-
но Митю въ городъ...

Снова медленно-тѣпью плелись
«мышата», аспетивно потыкаясь на
сочныя дуга, немилосердно скрипѣли
и визжали «драбынъ» всѣми своими
старыми, разбитыми частями, грѣло
яркое, рожистое солнце и возбуждаю-
щее пахло весны!

Но Митя уже не пѣлъ, не свистѣлъ
и не курчалъ во все свое удовольствіе.
Зарыпшись въ солону, онъ тоскливо
и тревожно всю дорогу думалъ одну
и ту же назойливую думу:

— Какъ-же теперь вывернуться пе-
редъ анаемскимъ Трубой?

З. Галинъ.

1812 г.—25 марта—1912 г.

... откуда перевели в Вятку, где во Владимир, по пути в котором тайно заехали в Москву. Там же обитачился со своей кузнецкой Александровой

и, оный сдвинувъ въ Парижъ,
възвѣсть тамъ тревожные июльскіе
событія—переворотъ, сдѣланный
имъ III, подозрительнаго по-
котораго заставила Александра

ЛИСТ

ОЧКИ.

Герценъ.

жизнь мило и четко выписывает
этой маленькой полудитской по-
весей Герценъ не только въ стрѣ-
ль своемъ юношескомъ обликѣ, но
и ценъ-писатель, Герценъ-скиталецъ

Въ своемъ старомодномъ, напичанномъ скурью, съ пронизательнымъ, уродливымъ лицомъ, онъ скитался изъ однихъ комнатъ въ другой изъ другой въ другой.

шие мужины истреблялись: они шли
войны, в далекие походы или, борясь
свои идеи, умирали на крестах. На-
ходили тюрьмы, гибли в ссылках. Со-
вершался своего рода естественный отбо-
р с уничтожением лучших и самих

Официальной причиной задержки

Ты ли- добраться до Америки.
 ся весь Так или иначе, «мушкетер»
 ты мо- — увы! — далеко еще не закончен
 она су-
 ты так-

— S.

ЖЕН-
КОМКС

О порядкѣ экзаменовъ женщинъ, въ испытат. комиссіяхъ.

А. И. ГЕРЦЕНЬ

1812 г. — 25 марта — 1912 г.

— о —

Ровно сто лет тому назад, именно 25 марта исторического 1812 года, в Москве, в роскошной барской квартире на Тверском бульваре, у знатного барина, Ивана Алексеевича Яковлева и гражданской жены его, молодой немки, Луизы Ивановны Гагг, известной Яковлевым, из Штутгарда, родился сын, названный Александром.

Обстановка, в которой появился на свет Божий и стал расти «Негген», — т. е. «сын любви», — как его называл отец, — ничем не отличалась от обстановки всех богатых русских помещиков того времени.

С раннего возраста, для обучения «Шушке», которого одного, кажется, только и любил своеправный и капризный Иван Алексеевич, были приглашены: эмигрант-француз Було из Меца и немец Эка из Сарепты. Имь Герцен обязан был хорошим усвоением французского и немецкого языков.

Что касается общего развития и знакомства с русской литературой, то в этом отношении большие услуги оказал Герцену русский — учитель словесности Протопопов.

Друзьями детства Герцена были: молоденькая кузина Тая, — впоследствии Татьяна Петровна Пассек, написавшая прекрасные воспоминания о своем друге, — и сын дальнего родственника Ивана Алексеевича — Ника Огарев, впоследствии известный поэт.

С Огаревым он, вопреки желанию отца, поступил, 18 лет от роду, в московский университет, на физико-математический факультет. В то темное и тяжелое время московский университет не представлял большой научной ценности, и лишь два профессора выдавались из общего научного уровня — это Каченовский и Павлов.

Но студенты, под влиянием, главным образом, западно-европейской жизни, организуясь в кружки, сами себя находили богатую духовную пищу, причем особенно увлекались идеями известного французского социалиста Сент-Симона.

Герцен окончил университет в 1833 году, но связи с университетскими товарищами не прекращались, и кружок продолжал действовать.

Через год по выходе из университета был арестован сначала Огарев, высланный, благодаря связям, только в Пензу, а затем, 24 июня, арестовали и Герцена; его выслали сначала в Пермь, откуда перевели в Вятку, а затем в Владимир, по пути в который он тайно захватил в Москву и тайно же обвинулся со своей кузиной, Натальей Александровной.

Огарев женился в 1837 на племяннице губернатора и жале баринот. На Герцена же ссылка оказалась совсем иным влиянием.

За 8 лет пребывания в трех названных городах он прекрасно изучил условия русской жизни, что впоследствии ему очень пригодилось.

Возвратившись в 1840 году в Москву, уже с сыном, также Александром, родившимся в 1838 году, во Владимир, Герцен очень скоро сдвинулся членом кружка Станкевича и Яковлевского, в котором уже состояли Огарев, ранее получивший пра-

Во 1846 году умер его отец, и Герцен сдвинулся обладателем громадного состояния.

Первою мыслью его была поядка заграницу, причем вряд ли Александр Иванович думал навсегда оставить Россию.

Просто его тянула западно-европейская культура, ему хотелось отдохнуть от мрачной русской жизни, от угнетающего гнета. Ничего удивительного, что, получив посланную полицией процедуры паспорт, он пришел в восторг от охватывающего его чувства свободы, что Герцен и выразил в следующих стихах:

«Ну, радуйтесь! Я опущен!
Я опущен в страны чужие!
Да это, точно-ли, не сон?
Ничь, завтра жь кони почтовые,
И я скачу vom Ort zu Ort.
Отдавши деньги за паспорт.
Потуду... Что-то будет там?
Не знаю! Втро, но тепло
Грядущее передь очами,
Вот вьсть, что мнѣ сулит оно!
Стою со страхом предь дверьми
Европы...»

Грядущее сулило ему великую неуязвимую славу на родине, но, прежде чем заполучить ее, судьба бросила его в бурную волну европейской жизни и лишила навсегда возможности возвратиться в горячо любимую им Россию.

Прежде всего Герцен попал в Париж, этот центр мировой жизни. Восхищенный столицею Франции при первом ознакомлении, он скоро разочаровался в буржуазии, т. е. командующим классом.

«Разврат», — писал он в 1847 г. о Париже, — проник в всюду — в семью, законодательный корпус, в литературу, прессу. Он настолько обыкновенен, что его никто не замечает, да и замечать не хочет. И это разврат не широкий, не рыцарский, а мелкий, бездушный, скверный. Это разврат торгаша.

Герцен вьдет в Рим, где в самом разгаре было освободительное движение, и три месяца живет среди востолкованных и оживленных итальянцев, слыва за событиями и восторгаясь Италией.

Новизно, сколько бы еще он пробывал в этой стране, если бы в то же время, в 1848 году, не разыгрался в Париже события, приведший Францию к республике.

Герцен опять спешит в Париж, переживает там тревожные польские дни, потом — переворот, сданный Наполеоном III, подозрительная полиция которого заставила Александра Ивановича оставить столицу Франции и переехать в Швейцарию, именно в Женеву, где он дал жестокую характеристику пережитых им европейских событий в книге «Ох того берега».

Из Швейцарии он в третий раз возвратился в Париж, где уже безгранично властвовал Наполеон III, и опять Герцена выслали отсюда.

Помимо тяжести от ичичных скитаний, Александра Ивановича в этот период, — с 1851 — 1856 г., — постигло великое горе, в видѣ трех смертей: матери, младшего сына и жены.

вершено немисливо поступательное движение торю любимой им родины. Уже в ранней прозаической его, написанных в России, в период с 1842 по 1847 г., красною нитью проходят определенные нами черты Герцена.

Мы их находим и в «Записках доктора Крупнова», и в романѣ «Кто виноват» и в повести «Сорока ворона».

Но особенно ярко оппозиционное настроение Герцена обнаружилось на свободе, в Западной Европе, где он мог писать не стонный ужасающими тисками тогдашней русской цензуры.

Наиболее выдающимся произведением, написанным на Западе, является, конечно, его знаменитые мемуары, озаглавленные «Былое и думы».

В смысле же наглядного, так сказать, влияния Герцена на русское общество, наибольшее значение имела его ежедневная газета — «Колокол», девизом которого было — освобождение крестьян с землею.

Этот орган политическими симпатиями людей России и тревожа. Послѣдняя не могла не быть, и «Колокол» о мнѣ услуги даже крестьян, так и рождало.

Совершенно прав тот, кто в своей лекции сказал, что Герценным возмездием политическим и практическим возмездием русского общества и исполнить эти задачи.

Герцен был самым темным и тем, который поддерживал русское опасный для него грубой силе и не протерению пути реформы, со временем отечество перешло

и п.

ЛИСТОЧКИ

Герценъ.

В предстияхъ воспоминающихъ Татьяны Пассекъ можно найти политический рассказъ о первомъ самостоятельномъ общѣ «Саша и Ника», т. е. Герцена и Огарева, будущихъ знаменитыхъ «Колокола» независимой русской мысли.

Въ четверть на Святѣ 1829 года, сѣ полумиллеромъ въ карманѣ, молодые люди впервые отправились къ «Яру».

«Чтобы показаться настоящими гоуе, они потребовали карту и, будучи не знакомыми, горадо меньше, извѣстной, нежели Вернера минералогическая, оставались на ошчаи stered и au champagne и на трофеяхъ, такъ на самомъ дорогомъ, и по той же причинѣ потребовали бутылку Юганнсберга, старѣе самого Меттерниха...»

Друзья остались голодными, ибо «ухи не могли они въ ротъ взять», раковинкой съ трюфелями не могъ бы быть сытъ и бедунъ въ степи. Исправить все деньги, закупились пачками сигары, они метафизически поглядывали на другихъ товарищей, которые смирно спросили общѣ въ 5 рублей ассигнаций и спокойно облизывались послѣ бифштекса, лафита и рюмочки...»

Какъ мило и четко вырисовывается изъ этой маленькой полудѣтской исторіи весь Герценъ не только въ строномъ своемъ юномъ общѣ, но и Герценъ-писатель, Герценъ-скиталецъ и борецъ!

Онъ всю жизнь выбиралъ только самое «дорогое» и изысканное, не въ купальникъ, конечно, а въ духѣ; страсть къ трюфелямъ и шампанскому не слаба въ немъ, но крыла — стоить вспомнить тонкій, острый вкусъ его стили, его чувствованій, его социальныхъ грѣшъ...

Да, Герценъ, этотъ полунахлѣпъ изгнанникъ и радикалъ, былъ подлиннымъ аристократомъ, великимъ баринномъ духа.

Въ самомъ концѣ своей требовательной политической и публицистической борьбы онъ неутомимо сохранялъ ка-

лѣбности и неугасимую биографію сумасшедшей.

Съ такимъ изысканнымъ процессомъ жизни, сѣ общественной безысходностью; Герценъ практикомъ, дѣломъ былъ Гейне, политический про- Однажды, — раз- — молодой Герценъ унесъ въ своемъ дѣтскую рубашку. Онъ ве- женный: — «Помню, — это пошлѣ! Чтѣ выдѣла, какъ и пались доску- стѣ о!»

Не такая ли наго вьсуа, не лѣтъ «доскушки» торые «смысла» да потомъ Герценъ пророчески по- завоуеваивающій

Герценъ былъ въ Россіи, только въ Евро- онъ былъ «и в- времена», выразился по- ности...

Въ своемъ скуртѣ, съ львомъ лицомъ, европейскаго «неустоимчиваго» лѣтъ благодар- снѣ. Съ нимъ книга, русская жакета прѣкрас- кій жукъ въ панталоны...

Умираю, в- бредѣ новѣе- ралеа на оми- куда?...

— «Однако Россіа? — сѣ за ичѣлкомъ! Но въ Россіи бѣсовитіе.

Но студенты тоже взымали, главным образом, западно-европейской жизни, организовали в кружки, сами собой находили богатую духовную пищу, причем особенно увлекались идеалами знаменитого французского социалиста Сент-Симона.

Герцен окончил университет в 1833 году, но связи со университетскими товарищами не прекращались, и кружок продолжал действовать.

Через год по выходе из университета был арестован сначала Огарев, высланный, благодаря связям, только в Пензу, а затем, 24 июня, арестовали и Герцена; его выслали сначала в Пермь, откуда перевели в Вятку, а затем в Владимир, по пути в который он тайно захватил в Москву и тайно же объявлялся со своей кузиной, Натальей Александровной.

Огарев женился в 1837 на племяннице губернатора и жил баринцом. На Герцена же ссылка оказалась совсем иным влиянием.

За 8 лет пребывания в трех названных городах он прекрасно изучил условия русской жизни, что впоследствии ему очень пригодилось.

Возвратившись в 1840 году в Москву, уже с сыном, также Александром, родившимся в 1838 году, во Владимир, Герцен очень скоро оказался членом кружка Станкевича и Вилинского, в котором уже состоял Огарев, ранее получивший право жительства в Москве.

Увлекался преимущественно немецкою эволюционною философиею Гегеля, в основу которой стояло, как аксиома, положение, что «все действительное разумно», кружок в то же время изучал французских социалистов: Луи-Блана, Прудона, Фурье, Кабе.

Философия Гегеля была не по душе Герцену, и на этой почве у него произошли размовки, прежде всего, с Вилинским.

— Знаешь-ли что, — однажды сказал последнему Герцен, — с вашей точки зрения вы можете доказать, что и чудовищный произвол разрешен и должен существовать.

— Без всякого сомнения, — отвечал Вилинский, — и прочел Герцену «Бородинскую годовщину» Пушкина.

Съ этого момента кружок разбился на две части: западникова, во главе с Герценом и Огаревым, и славянофилов, во главе с Хомяковым и Киреевским.

Вилинский скоро перешел на сторону Герцена.

Это случилось в 1840 г., когда знаменитый критик, а затем и Герцен съ Огаревым переехали в Петербург.

Здесь, к слову сказать, Герцен в 1841 году был вторично подвергнут административной высылке, причем пошел под надзор полиции в Новгород, хотя по качеству советника губернского правления.

Через год он опять возвратился в Москву, вошел в состав кружка западникова, во главе которого стоял теперь знаменитый профессор Грановский, и деятельно занялся литературой.

Писать Герцен начал еще в 30-х годах, когда он избрал себя и псевдонимом «Искандер», — что, по турецки, значить Александр, — но лучшие его произведения, написанные в России, относятся к периоду 1842—1847 г. Как в особенно выдающийся из них можно указать на известнейший роман «Мно виноваты!» и повесть «Сорока воровка».

Но мы ниже будем говорить о произведениях Герцена, а теперь закончим библиографическими сведениями о нем.

Венец, что его талант не замечать, да и замечать не хочется. И это развить не широкий, не рыцарский, а мелкий, бездушный, скверный. Это разврат торгаша.

Герцен идет в Рим, где в самом разгаре было освободительное движение, и три месяца живет среди взволнованных и оживленных итальянцев, следя за событиями и восторгаясь Италией.

Нельзя, сколько бы еще он пробыл в этой стране, если бы в то же время, в 1848 году, не разразился в Париж события, приведший Францию к республике.

Герцен опять сходит в Париж, переживает там тревожные июньские дни, потом — переворот, сданный Наполеоном III, позорительная позиция которого заставила Александра Ивановича оставить столицу Франции и перебраться в Швейцарию, именно в Женеву, где он дает жестокую характеристику пережитых им европейских событий в книге «Ос того берега».

Из Швейцарии он в третий раз возвратился в Париж, где уже безгранично властвовал Наполеон III, и опять Герцена выслали отсюда.

Помимо тяжести от вичных скитаний, Александра Ивановича в этот период, — с 1851—1856 г., — постигло великое горе, в видя трех смертей: матери, младшего сына и жены.

Странствуя с женой на жство, из одной страны в другую, Герцен захватил, наконец, в Лондон, где и прожил более 10 лет.

Здесь съ Огаревым, также прибывшим в столицу Англии, стал, с 1856 года, издавать свой знаменитый «Колокольчик».

В 1864 году он оставил Лондон и перебрался опять в Женеву.

Умер Герцен в 1870 г. от воспаления легких в том самом Париже, который привлекал его с юных лет и откуда два раза его выслали, но похоронили Александра Ивановича в Ницце, согласно его воле.

Такова краткая биография Герцена. Переходя к характеристике личности Герцена, прежде всего, по нашему мнению, следует отметить его удивительную самобытность и оригинальность.

И в России, и за границей, вращаясь среди массы лиц, всевозможных направлений и взглядов, Герцен оставался самим собою и никогда не принадлежал ни к какой партии.

Эти же черты красною нитью проходят во всех его литературных произведениях.

В каждой строчке вы видите Герцена и только его самого. Ничего чужого, затасканного, ничего позамыслованного. Все, выходящее из под его пера, было свежо, оригинально, в высшей степени талантливо, крепко и написано таким «герценовским языком», подобного которому не было и нет.

Широко образованный, Герцен имел возможность касаться самых разнообразных вопросов, обладая всеми данными для их всестороннего освещения.

Но основным лейт-мотивом его произведений было раскрытие человечества, освобождение его разума от путы пошлости и бытательщины, воспитание общественных инстинктов в противовес узкому атому.

По отношению к России, главному задачею своею он ставил борьбу съ кривотинством и абсолютизмом.

Герцен был глубоко убежден, что при кривотинстве строя и тьме связанном с ним абсолютизмом, со-

ли стеген и за шпиргами, на трофеях, как на самом дорожке, и по той же причине потребовалась бутылка Югенинберга, старье самота Меттерниха...

Другая осталась голодной, ибо «хуже не могли они в рот взять», раковинкой съ трюфелями не мог бы быть съесть и бедный вь стены». Истратив все деньги, вазурины напосла сгары, они монашески поглядывали на других товарищей, которые скрепно спросили обить в 5 рублей ассигнациями и сполною обязанности послать бирфетку, лафта и рюбинок...

Как мило и четко вырисовывается из этой маленькой полудетской истории весь Герцен не только въ стройном своет юмористическом обличьи, но и Герцен-писатель, Герцен-скиталец и борец!

Он всю жизнь выбирать только самое «сладкое» и изысканное, не въ кушаньях, конечно, а в духе; страсть къ трюфелям и шампанскому не слаба в нем, но кршла—стоит вспомнить тонкий, острый вкус его стиля, его чувствования, его социальных грех...

Да, Герцен, этот полунный ит-гаванчик и радикал, был подлинным аристократом, великим барин-ом духа.

Въ самом деле своей требовательной политической и публицистической борьбы он неутомимо сохранял какой то павильон секрету идейной барственности, эстетической изысканности, особой музыкальности интеллекта.

Это был какъ бы Петрович русокого радикализма: какъ и Толстой, он проносъ через все свое опрошение кривый аромат политической осяси гъ далеких дворянских усадбах...

Он был острый и умный скептик, этот пламенный проповедник прекрасной общности. Помните мрачный слова герценовского доктора Кршова: «...надобно натянуть на историческая лса съ точки зрения бедумя, на события съ точки зрения не-

то поворот! Это являя, какъ изъ пались доскутки, с тв о!»

Не такая ли то нато нзуса, не не лизь «доскутки», торие ксмятся в ла лотом, Герцен пророческий походу заноукающего Герцен был ко въ Россия, от только въ Европу, отъ был съ нас в реме н, какъ выразился по лонности...

Въ своем створку, съ ар-измъ линюм, отъ европейского оп-неуспокоенный, лизь благодарн-сли. Съ нямъ б-книги, рукописи, жамка прокрасна-кий жусъ къ ин-панскому...

Умирал, вичи-бредилъ новымъ разла на оинбуо-куда?..

— «Отчего бы Россия?» — спрашивалъ изъ нѣсколькихъ «не-Но въ Россию беемерте.

Неизвестность стояла между Р-баринъ руска-ини были запр-табъ опаснымъ снъ,—говорилъ не-стой, — павильонъ очень важный орг-Викъ отбывает отъ мучительныхъ Росси.

Но свѣтлая тѣ-дась ладъ стра-Родителя ли?..

Женщина и будущее

С С С

Помните-ли вы стихотворение Тютмаера: «Конецъ вѣка»?

— «Проклятие! Но только диары, искалѣзливши, бранить своего бога, скрпато въ пространствахъ. Ирония? Но развѣ можетъ обидѣнная изъ шутки сравниться съ иронией самыхъ быдесныхъ вещей! Презрѣние? Но только глупецъ презираетъ ту личность, которую не можетъ взять на свои слабыя плечи. Отчаяние? Такъ, значитъ, нужно послѣдовать примѣру скорпиона, который убиваетъ себя, если его окружатъ горячими углемъ? Борьба? Но развѣ муравей, бѣгушй по рельсамъ, можетъ бороться съ поездомъ, несущимся на всѣхъ парахъ! Смирненіе? Но развѣ меньше будемъ страдать отъ того, что безъ ропота склонимъ голову подъ ножъ гильотины? Будущая жизнь? Однако, кто изъ людей проникнется въ такіе вѣзды, кто осмѣлится угасить солнца и угасаетъ преѣды міра? Наслаждение? Но, вѣдь, на глубинѣ души всегда остается что-то, что азлеть ерди наслаждения, жаждетъ въ минуту блаженства! Такъ что же остается? Что ешесть у насъ, которые все знаютъ, у которыхъ не осталось уже ни одной изъ прелестныхъ вѣтръ? О, человекъ конца вѣка, какимъ шитомъ ты прикроешься подъ гне-

томъ страданій? В-голову. Таковъ р-туры, какъ от-менному скептику.

Конечно, сильно культура впередъ, усовершенствованій упорныхъ стремл-расслабленія. Но в-тѣмъ, что осядокъ поставленныхъ Тет-дѣй этой культуры душѣ, можетъ быть-душѣ. И если въ к-шли къ самострои-ста, демократизир-одной стороны, мел-мировоззрѣніе, съ-презрѣны къ иска-ны, то значитъ, ч-чествомъ стоитъ г-стремленій въ не-необходимость нов-нѣй. Честно въри-много лѣтъ наступ-станется прекрасна. нбо человѣчески-емереть человѣка «политическаго равн-наго міра». «кан-

поступательное
мой им родины.
извещениях его,
и в период с
июно нитю про-
тамы черты Гер-
в «Записках
романт «Кто
«Сорока во-
повищенное на-
жилось на сво-
ромф, гдѣ оя-
ный ужасающа-
русской цен-

Этот органъ пользовался громад-
ными симпатіями всѣхъ мыслящихъ
людей Россіи и тревожилъ бюрократію.
Послѣдняя не могла не считаться съ
нимъ, и «Бюлокопъ» оказалъ неоцѣни-
мыя услуги какъ дѣлу освобожденія
крестьянъ, такъ и русскому печатному
слову.

Совершенно правъ г. Родичевъ, ко-
торый въ своей лекціи, между прочимъ,
сказалъ, что Герценъ былъ умствен-
нымъ вождемъ поволнія 40-хъ годовъ
и практически вождемъ передового
русскаго общества въ 50-хъ годахъ,
исполняя эти задачи съ блескомъ и
славою.

Герценъ былъ святочемъ Россіи въ
самое темное и тяжелое время, онъ
поддержалъ русское общество въ самый
опасный для него періодъ господства
грубой силы и не мало способствовалъ
проторенію пути къ «выходу великихъ
реформъ», со времени которыхъ наше
отечество перешло къ новой жизни.

И. П. Бѣлоконскій.

СТОЧКИ.

Герценъ.

оминанияхъ
найти полу-
рмъ само-
и и Никла-
и, будуща-
кола» неза-

1829 года,
манъ, моло-
визались къ
настоящими
и, близ-
ую менѣе
перова ми-
на ошела
и на про-
оротомъ, и
бвала бу-
е самого

лѣпости и ненужности. Исторія-авто-
биографія сумасшедшаго...

Съ такимъ взглядомъ на историче-
скій процессъ трудно было спрятать
сожженную бесильными ядомъ ироніи,
улыбку; Герценъ никогда не былъ
практикомъ, дѣльцомъ освобожденія—
онъ былъ Гейне нашего гуманизма, въ
политической прозѣ!

Однажды, рассказываетъ Пассекъ,
—молодой Герценъ по развѣянности
унесъ въ своемъ карманѣ какую то
дѣтскую рубашку вмѣсто носового
платка. Онъ вернувшись домой, рассер-
женный:

— «Помилуй, — говорилъ онъ жевъ, —
это поворъ! Что скажутъ тѣ, которые
видѣли, какъ изъ моего кармана сы-
палась лоскутки, — это мѣщан-
ство!»

Не такая ли точно реакція барствен-
наго вкуса, не ненависть ли къ пош-
лымъ «лоскуткамъ» дешевыхъ идей, ко-
торые «сыпятся изъ кармана», толка-
ла потомъ Герцена на его страстный,
пророческій походъ противъ мѣщанства,
завоевывающаго Европу, міръ?...

Герценъ былъ иностранецъ не толь-
ко въ Россіи, откуда онъ бѣжалъ; не
только въ Европѣ, цѣль онъ скитался—
онъ былъ «иностранецъ своего
времени», какъ самъ онъ цѣль то
выразился по поводу философовъ древ-
ности...

Въ своемъ старомодномъ, изящномъ
сюртукѣ, съ пронзительнымъ, уста-
лымъ лицомъ, онъ скитался изъ одного
европейскаго города въ другой, вѣчно
неуспокоенный, скептической идеа-
листъ благородный странникъ мы-
сли. Съ нимъ была его Natalie, его
книги, рукописи, его болящая совѣсть,
жажда прекраснаго человечества, тон-
кій вкусъ къ интеллектуальному пам-

лзмамъ» и борьбы противъ народностей,
и неразрѣшимыхъ социальныхъ противо-
рѣчій. Жизнь установитъ разумное соот-
вѣстіе производительныхъ силъ или
сама погибнетъ.

Новое царство жизни наступитъ лишь
тогда, когда на помощь мужчій при-
детъ съ полнымъ равноправіемъ жен-
щина, когда самый женскій вопросъ ста-
нетъ такимъ же суетвѣремъ прошлаго,
какимъ теперь является религиозная не-
терпимость. Современная жизнь, почти
совсѣмъ устранившая изъ нашей жизни
вѣщную физическую опасность, не тре-
бующая все болѣе духовной энергіи и
правственнаго мужества, не оправдываетъ
приниженного положенія женщины. Въ
крестьянскомъ быту она и теперь несетъ
всю мужскую работу, въ городскомъ—
она часто исполняетъ такое же дѣло,
какъ мужчина, а въ интеллигентскихъ
кружкахъ женщина, не имѣющая своей
спеціальной работы, по большей части
самая несчастная женщина, не находя-
щая уже никакого удовлетворенія въ хо-
зяйствѣ и въ воспитаніи дѣтей, которое
становится все болѣе общественнымъ и
государственнымъ дѣломъ.

Въ продолженіе многолѣтнихъ вѣковъ
лучше мужчины истреблялись: они шли на
войны, въ далекіе походы или, борясь за
свои идеи, умирали на крестѣхъ, напои-
няли тюрьмы, гдѣ въ ссылки. Созда-
вался своего рода естественный отборъ
съ уничтоженіемъ лучшихъ и самыхъ
сильныхъ. Отъ революціи, отъ наполео-
новскихъ войнъ, отъ Варолюмеевской
почи до сихъ поръ не можеть придти въ
равновѣсіе Франція. И въ то время, какъ
исчезали лучшие мужчины, богатѣли,
выдвигались худшіе, тѣ, кто лучше при-
способился къ господствующему теченію,
и эти Молчалины или Скалозубы брали
себя въ жены лучшихъ изъ женщинъ,
такъ что лучшія женщины доставались
самымъ богатымъ и высокопоставлен-
нымъ. Отъ этого раса не улучшалась и
жизнь истощалась.

Но близко то время, когда женщина
пойдетъ къ мужчинамъ, какъ равная къ
равному, когда она въ общественной
жизни будетъ товарищемъ мужчины, а не
предметомъ купли и продажи, когда
рядомъ съ нимъ она будетъ судьей, зако-
нодателемъ, авиаторомъ и, если понадо-
бится, воиномъ, такъ какъ и теперь жен-
щина уже идетъ на войну сестрой милосердія и учится наравнѣ съ мужчиной
содальной гимнастикѣ. Женщина-граж-
данина, а не купленная болѣе богатымъ,
красивая производительница подниметъ
человѣческую расу, уничтожитъ хилыхъ
дѣтей «конца вѣка», не умѣющихъ отли-
чать добра отъ зла, правой руки отъ лѣ-
вой. Быть можеть, тогда измѣнится весь
семейный строй человечества. Быть мо-
жеть, исчезнетъ семья, — но развѣ она су-
ществуетъ теперь? Но можеть, быть такъ
же, что оскрѣплетъ семья, пересоздавшаяся
на новыхъ основаніяхъ. Незавѣстны ко-
нечныя дѣли человечества, но ясны ста-
новятся его пути.

Въ Германіи, классической странѣ по-
рабощенія женщины, печаль удѣляла не-
давно дѣлать свободны выставкѣ «Die frau
in Haus und Beruf» (Женщина дома и
на спеціальной работѣ), гдѣ были собра-
ны данныя, освѣщающія дѣятельность
женщины въ искусствѣ, литературѣ, на-

выдалъ имъ лишь карточку, на которой
«утвержденное правительствомъ Universal
Reisebureau» въ Вѣнѣ общаесть имъ
на восьми восточно-европейскихъ язы-
кахъ—при прибытіи ихъ въ Вѣну «без-
платно отвести ихъ при посредствѣ на-
шихъ чиновниковъ въ наше бюро»...

Изъ Вѣны зафрахтованные переселен-
цы были доставлены въ Базель въ аген-
туру Charles Stäheli — и здѣсь-то для
нашихъ 18 многострадальныхъ Одиссеевъ
началось подлинное «хождение по му-
камъ».

Ихъ держали взаперти, совсѣмъ какъ
арестантовъ. Проходили дни за днями,
и на всѣ вопросы, когда же, наконецъ,
отправятъ ихъ дальше, они получали
лишь уклончивые отвѣты. Пища—до то-
го отвратительная, что даже непріятель-
ственные русскіе мужчины, только превоз-
могая себя, могли питаться ею. Но и
при этомъ приходилось оставаться полу-
голодными.

На всѣ жалобы сабдовалъ одинъ отвѣтъ:
удары резиновой палкой! Видно,
это саамобытное истинно-русское орудіе
«успокоенія» было горячо рекомендовано
швейцарской агентурѣ ея русскими пред-
ставителями...

Отчаяніе мужиковъ, подвергшихся та-
кому обращенію, можно сказать, на гла-
захъ базельской полиціи, дошло до того,
что часть изъ нихъ устроила побѣгъ, не-
реабившись черезъ высокій заборъ...

Официальной причиной задержки пе-
ресселенцевъ выставлена якобы болѣзнь
глазъ. Но поспѣвшіи ихъ корреспон-
дентъ цюрихской газеты «Volksrecht»
констатируетъ лишь слѣды побоевъ у
этихъ «крупныхъ, сильныхъ, какъ мед-
вѣди, красивыхъ людей».

Въ настоящее время швейцарская со-
ціаль-демократическая печать, освѣдом-
ленная русскими группами о всей этой
возмутительной эпопее, подняла агита-
цію съ требованіемъ официальнаго рас-
сѣдованія этого случая, какъ и вообще
дѣятельности международной шайки эми-
грационныхъ агентуръ.

Характерно, что русское посольство
въ Бернѣ, напротивъ, пальцемъ о палецъ
не ударило, чтобы защитить русскихъ
крестьянъ.

Сейчасъ агентура Stäheli хочетъ сна-
вить обобранныхъ ею до нитки эмигран-
товъ обратно въ Вѣну, причемъ отказы-
вается даже взять на себя обязательство
доставить ихъ изъ Вѣны дальше, въ Рос-
сію.

Но все же есть еще надежда, что подъ
давленіемъ поднятой агитаціи швейцар-
скія власти вынуждены и заставятъ аген-
туру дѣла возможность своимъ жертвамъ
добраться до Америки.

Такъ или иначе, «мужичья одиссея»
—увы!—далеко еще не закончена.

S.

О порядкѣ экзаменовъ жен- щинъ, въ испытат. комис- сіяхъ.

Министромъ народнаго просвѣщенія
сдѣланы руководящія указанія о порядкѣ
допущенія лицъ женскаго пола въ испы-
тательныя комиссіи, образуемыя при
университетахъ на основаніи Высочайшаго

горизонта,
временно

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

Награжденія.

Ордену св. Станислава 2-й степени: старший ревизор харьковского акцизного управления **Успенский**, податный инспектор Харьковского уезда **Ромашневич**, старший бухгалтер харьковской казенной палаты **Маевский** и бухгалтер **Цебенко**.

Орденomъ св. Владимира 4-й ст.: преподаватели коммерческа-го училища Вѣтуховъ и Мошен-ко.

Орденъ св. Станислава 1-й ст.: председатель харьковского комитета, по распределенію по жребіямъ помогать перевозоч-

Въ общемъ Курловъ увѣренъ въ оправданіи и не выражаетъ никакихъ опасеній за будущее.

Ко дню Пасхи будутъ освобождены всѣ студенты, арестованные за участие въ послѣднихъ студенческихъ волненіяхъ.

На курсахъ Раева упраздняет
ся юридическій факультетъ.

Въ военномъ министерствѣ.

По слухамъ, военный министръ Сухомлиновъ оставляетъ свой постъ и будетъ замѣненъ своимъ нынѣшнимъ помощникомъ Поливановымъ.

По слухамъ, введеніе городского положенія въ губерніяхъ Царства Польскаго пройдетъ въ порядкѣ 87-й ст.

Экстренно выѣхаль въ Римъ
старшій чиновникъ канцеляріи
министерства иностран. дѣлъ
Далматовъ.

Закончены русско-итальянскі
переговоры по балканскому во
просу.

Розановъ въ „Новомъ Времени“, въ статьѣ, посвященной памяти А. П. Филосововой, называетъ покойную вѣчной сестрой и вѣчною подругою женщинъ всѣхъ поколѣній до самаго далекаго будущаго.

Рабочій, случайно найдя на улицѣ бомбу, сталъ разбивать ее, происшедшимъ взрывомъ у рабочего оторвана рука.

Въ Хоролѣ, по распоряженію
судебнаго слѣдователя, аресто-
ваны помѣщики братья Усти-
мовичи. Арестованнымъ пред-
ъявлено обвиненіе въ незако-
номъ полученіи денегъ отъ го-
евскаго интендантства за якобы
доставленный хлѣбъ.

Назначенія.

Назначаются: вице-директоръ второго департамента министерства юстиці Живковичъ директоромъ, начальникъ отдѣленія Веревкинъ — вице-директоромъ второго департамента.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 III. Производители тайныя совѣтники собственной Е Величества канцеляріи старшій чиновникъ Шульманъ.

Производится въ тайные совѣтны
чиновникъ особыхъ порученій ми-
стерства финансовъ Вентцель.

Награждаются орденами: по канцелярии учреждений Императрицы Марии Св. Владимира 2-й ст. инспектор медицинской части лейб-акушер С. Я. Пономарев; притисленный из канцелярии Паптерев; Св. Анны 1-й ст. появились особые поручения Вестма

по ведомству учреждения Император-
цы Марии производится, въ тайные
вѣтники почетный блюститель про-
сѣанальныхъ курсовъ Ксеніинскаго
ститута Захарченко.

По главному управленію удѣла награждаются орденами: Св. Владимира 2-й ст. помощникъ начальникнаго управленія удѣловъ штабс-камергеръ Михаревъ.

По министерству иностранных
производства, въ действительные
спе совѣтники: совѣтникъ посо
въ Лондонѣ Фонтъ-Этьеръ, генералъ
вѣстунъ въ Роттердамѣ Петерсонъ
Таврицъ Миллеръ, въ Мемхедѣ
Дабига, въ Канѣ Шебунинъ, въ
поу Тиченко-Островерховъ, въ К
Устиновъ, въ Веймарѣ Фольборгъ
Янѣвъ Щелуновъ, въ Марсѣ
новскій, въ Галацѣ Картамышевъ
Кульдѣвъ Федоровъ, въ Рупунг
товъ, въ Нью-Йоркѣ Шлиппенба
Женѣвъ Дамье; совѣтникъ посо
въ Токио Вроневскій.

Награждаются орденами: В.И. Орла, посол в Турция 2-й ст. Гирсы; Св. Владимира 2-й ст. Гирсы; Св. Владимира 2-й ст. посланник в Норвегии Арцыбашев; Св. Анны 1-й ст. неармянский совет министров Вансель, тур департамента личного Арцимович, вице-директор цев. Св. Станислава посланник в Греции Свободный; Св. Станислава 2-й ст. посланник в Кашгаре Св. Анны 2-й ст. генерал-майор в Бомбей Набоков, в Каш.

По министерству внутренних производится: въ тайные советники директоръ центрального статистическаго комитета Георгіевскій, прокуроръ губернаторъ Борзенко; въ действительные статскіе советники: воронежскій губернаторъ Голиковъ, управитель отдѣла городского хозяйства и городского управления мѣстнаго хозяйства Естифеевъ.

По министерству внутренним
награждаются орденами Б

По министерству т
дятся въ тайные сов
кавказскихъ минераль
чеевъ.

Награждаются орде
н слава 1-й ст.
губернаторъ Омонин
харьковскою контроль
хайловъ.

По министерству
мысленности нагража
Благое Орла на
горного управления
Владимира 2-й
ного совета князь АБ
директор геологич
Чернышев, инспек
Урбанович; Св. Аш
ный инспектор уче
нинг; Св. Станис
чальник отбуда
Веселого, управлю
говла Сибилев, чл
ства Авдаков.

По главному управлению землеустройства и земельных советники: директор Департамента Кублицкий, особые поручения управляющему Троцкий, Комитет Ленинский, управляющий экономии Кошко.

Натраждаются
ны 1-й ст.: товара
щего Полъновъ, ч
управляющаго Тер
ляющій канцеляр
щаго Зубовскій, ш
ному управленію
ди міра 3-й с
тамена земледѣ
ректоръ москв
ственного инсти

По министер-
ству въ тайн-
никъ главнаго
Учрежд.

По министерствам производится: в членов совбтов ский, инженерная институты, Палюша, член учеб в действительны начальники у водных и по

наго
михайл
ст. по-
левич;
енский:

Натрандаш
димира 2-й
совѣта Риппа
1-й ст. товар
но, членъ и
новъ, членъ у
молит

Соковъ. По госуд-
не кон-ству произво-
Омриѣ статскіе совѣт-
тъ дѣлѣ рін главнаго

КІЕВЪ, 24
Никольской сл
площади и ба
боджъ—свыше

десятки жодов
прибуваєть;
леніє Трухан
ЧИСТОПОЛ
прибыла вои

Навигация
Арес

... въ тайные
... тавнаго тюр
рулевъ.

По министерству
производятся: в
член совбтотв: ж
ий, инженерного
орь института зуп
а, член учебна
ь действительные
ачальник управ
тнства и т.д.

Наховской, упр-
ным, стрелки, у
пороты Грива, у
насть, управлен
ных и тесейны

д. м. іра 2-й ст.
совіта Риппась-
1-й ст. товарищ
но, член інжен
нов, член учеб
евичь.

По господарств
ству производите
статские совѣта

КІЕВЪ, 24 III.
Никольской слободы
площади и базаръ
бодкъ—свыше 60
десятки жодокъ
прибываетъ; захв
леніе Труханова
чистополь 2

Арестъ о
ЛВОВЪ, 24

по обвиненію въ прогулка обоихъ мосту на Днѣстръ іцію съ Буковиною, что арестованъ, произвести измѣр

Въ связи съ а
аресты въ Львові
телей Вендасюка
произведенные по
Безпорядн

ЛОНДОНЪ, 24
серьезные беспоря
Дунфермлайнъ (И
слуховъ, будто нѣ
бывающаго угла у

Война Ита
КАИРЪ, 24 Ш

бенгази, турецкой
лянь, итальянской
летчик Франческ

Последний

Быстрый

«Kurjer Warszawski» на чрезвычайном

Въ 1902 году
находилось 1,933
мелія съ 265 000

Въ 1910 г. въ
10,000 промышле

Хотя весьма во
увеличений въ зн
сняется измѣнені
ціи и статистики
менѣе ростъ
дуетъ признать о

тилярному со-
коммерции со-
Купцу, потом-
мданнцу Шен-
цы почтенным
ретьякову зна-
нка.

П. Директор
пных земель
назначается
ляющего зем-
ий губернатор
департамент
вице-дирек-
Заблужа—эле-
ляющего.
ектор второ-
ства юстиции
начальник
вице-директо-
а.

одства.
Производителем
штейной Елю
ирий чинов-
е совбтники
иий минис-
тель.

по канде-
ицы Марии;
писектор
кушер Фе-
канделя
1-й ст. чи-
Вестманъ.
Императри-
тайные со-
исного ин-

дблзовъ;
Владимир
начальника
штабмей-

ных дбл-
ные стат-
исольства
зеральные
рсонъ, въ
дб князь
въ Хань-
Канадъ
орть, въ
дб Цбха-
шевъ, въ
дб Пало-
бахъ, въ
сольства

дблаго
Михаилъ
ст. по-
левичъ;
енский;
й членъ
дирек-
состава
Муром-
1-й ст.
е, гене-
Сокловъ.
е кон-
Омирий

дбл
тиники;
меса-
енский
витель-
енский
иий

Тизенгаузенъ, мотилевской Поповский,
петербургской Ласточкинъ, саратовской
Лалло, тульской Курбатовъ; Св. Вла-
димира 4-й ст. управляющий томскою
каменною палатой Маршангъ, началь-
никъ южнаго таможенного округа Ко-
ротневъ.

По министерству торговли: произво-
дится въ тайные совбтники директоръ
кавказскихъ минеральныхъ водъ Тили-
чевъ.

Награждаются орденами: Св. Ста-
нислава 1-й ст. полтавский вице-
губернаторъ Омонинъ; управляющий
харьковскою контрольною палатою Ми-
хайловъ.

По министерству торговли и про-
мышленности награждаются орденами:
Благороднаго Орда начальникъ томскаго
горнаго управления Боголюбовскій; Св.
Владимира 2-й ст. членъ горнаго
совбта князь Абемелевъ-Лазаревъ,
директоръ геологическаго комитета
Чернышевъ, инспекторъ горной части
Урбановичъ; Св. Анны 1-й ст. глав-
ный инспекторъ учебной части Мали-
нинъ; Св. Станислава 1-й ст. на-
чальникъ отдблѣ торговыхъ портовъ
Веселого, управляющий отдбломъ тор-
говлѣ Сибилевъ, членъ совбта мини-
стра Авдановъ.

По главному управленію земледѣлія
и землеустройства производится въ тай-
ные совбтники: директоръ лѣсного де-
партамента Кублицкій-Пиотухъ, чинов-
никъ особыхъ порученій при главно-
управляющемъ Троицкій, членъ ученаго
комитета Ленинъ; въ статские совбт-
ники: управляющий отдбломъ сельской
экономики Кошко.

Награждаются орденами: Св. Ан-
ны 1-й ст.: товарищъ главноуправляю-
щаго Полъновъ, члены совбта главно-
управляющаго Герне и Праховъ, управ-
ляющий канцеляріей главноуправляю-
щаго Зубовскій, причисленный къ главно-
му управленію Головинъ; Св. Вла-
димира 3-й ст.: директоръ депар-
тамента земледѣлія Слободчиковъ, ди-
ректоръ московскаго сельско-хозяй-
ственнаго института Ивероновъ.

По министерству юстиціи произво-
дится въ тайные совбтники началь-
никъ главнаго тюремнаго управления
Хрулевъ.

По министерству путей сообщения:
производятся въ тайные совбтники:
членъ совбтовъ: министра Доброволь-
скій, инженернаго Гершельманъ, дирек-
торъ института путей сообщенія Норей-
ша, членъ учебнаго комитета Шмидтъ;
въ дѣйствительные статские совбтники:
начальникъ управления внутреннихъ
водныхъ и шоссейныхъ дорогъ князь
Шакоской, управляющий хозяйствен-
нымъ отдбломъ управления дѣльныхъ
дорогъ Грензовъ, управляющий частной
частью управления внутреннихъ вод-
ныхъ и шоссейныхъ дорогъ Проценко.

Награждаются орденами: Св. Вла-
димира 2-й ст. членъ инженернаго
совбта Риппасъ-Метрицъ; Св. Анны
1-й ст. товарищъ министра Думитраш-
ковъ, членъ инженернаго совбта Тимо-
новъ, членъ учебнаго комитета Шабу-
новъ.

По государственному коннозаво-
дству производится въ дѣйствительные
статские совбтники директоръ канцеля-
ріи главнаго управления Перекрестовъ.

Разливъ рѣкъ.

КІЕВЪ, 24 Ш. Разливомъ Днѣпра въ
Никольской слободѣ затоплено 15 улитъ,
площади и баръ; въ предместной сло-
бодѣ—свыше 60 домовъ. На улицахъ
ледовитъ вода, и въ некоторыхъ мѣстахъ

какъ данныя и 1902 и 1910 гг. основа-
ны на официальной статистикѣ.

Констатируя это обстоятельство, на-
званный органъ замѣчаетъ, что промыш-
леннымъ склономъ уменьшать цифры, ка-
сающіяся цѣнности производимыхъ или
продуктовъ при официальной оцѣнкѣ,
а потому слѣдуетъ признать, что въ
Польшѣ производится товаровъ на 1 мил-
лиардъ рублей при полуллионномъ про-
мышленномъ пролетариатѣ.

Голодъ.

Съ марта начинается оживленіе пере-
селенческаго движенія. Обыкновенно съ
этого времени открываются переселен-
ческие пункты и столовые для переселе-
нцевъ на нѣкоторыхъ станціяхъ. Въ этомъ
году они болѣе, чѣмъ въ другіе годы, не-
обходимы, потому что большинство пе-
реселенцевъ направляется въ Сибирь изъ
мѣстъ, пораженныхъ неурожаемъ, но
столовые неустроены, на пунктахъ не
даютъ пищи. Положеніе нѣкоторыхъ пря-
мо отчаянное.

9 марта съ западавшими № 22 про-
ѣзжалъ черезъ ст. Канскъ около 200 пе-
реселенцевъ. Большинство изъ нихъ не
ѣло по нѣскольку сутокъ. Выдѣлялись
даже изъ этой нищенской и голодной
массы 15 семействъ, около 70 душъ, на-
правляющихся изъ Тургайской области
въ Никольскъ-Уссурийскій. На скамьяхъ
вагоновъ лежатъ почернѣвшія отъ гряз-
нбѣда, прикрытыя тряпьемъ,—это же-
нщины, не рискующія отъ стыда выйти
изъ вагона; дѣтиски плачутъ, прося
хлѣба; мужчины, съ измороженными ли-
цами и прикрытые какими-то рваньемъ,
просятъ хлѣба,—они не ѣли около пяти
сутокъ. Въ Челябинскѣ имъ выдано сви-
дѣтельство о томъ, что денегъ у нихъ
нѣтъ, что полагается кормить за счетъ
переселенческаго управления, но до Кан-
ска ли на одной станціи имъ хлѣба не
дали. Не дали и въ Канскѣ, потому что
не получили еще распоряженіе объ от-
крытіи столовой для прибѣгающихъ пе-
реселенцевъ. И они, голодные и голые, по-
ѣхали дальше, прося хлѣба для сохра-
ненія жизни!

Совѣты патриотовъ.

«Земщина» приглашаетъ Кассо при-
нять драконовскія мѣры для очистки
средней и высшей школы: «слетъ погнѣ-
нуть сотни профессоровъ и тысячи сту-
дентовъ, но Россія будетъ спасена и имя
Кассо будетъ благословенно».

«Земщина» называетъ предположеніе
русскихъ агитаторовъ совершить полетъ
въ Парижъ въ память отечественной вой-
ны «позорной затѣей» и высказываетъ
пожеланіе, чтобы они сконали себя шую.

Политина.. и компотъ.

Въ мартовской книжкѣ «Жизни для
Всѣхъ» помѣщена любопытная бесѣда съ
членомъ Думы Д. П. Гулякинымъ, кре-
стьянниномъ-депутатомъ отъ Бессарабской
губерніи, прошедшимъ въ Думу подъ фла-
гомъ «союза русскаго народа», а затѣмъ
отколовшимся отъ крайнихъ правыхъ и
считающимъ себя безпартійнымъ про-
грессистомъ.

«До выборовъ я былъ членомъ союза
русскаго народа,—разсказываетъ Гу-
лякинъ,—на выборахъ прошелъ съ пра-
выми, а теперь—безпартійный и сижу
въ прогрессистахъ. Кто не знаетъ, ска-

ду?... Компотъ-то, видно, къ добру не
приводитъ: не компотъ а ѣсть, а живое
мужичье мясо, человечину»!.

Гулякинъ не захотѣлъ быть человѣчес-
скаго мяса и отказался и отъ... компота.
Уйдя отъ правыхъ, онъ не примкнулъ и
къ другимъ партіямъ, и въ качествѣ
«безпартійнаго» подвергается разнаи партіи
довольно рѣзкой, порой остроумной
критикѣ. Вотъ какъ онъ объясняетъ раз-
личіе между умѣренными правыми и
крайними правыми.

«Умѣренно-правые это—люди сытые.
У нихъ все есть—и богатство, и власть.
Такимъ нечего добиваться: дай Богъ ста-
ровъ въ рукахъ удержатъ. Вотъ почему
они, когда ихъ не задѣваютъ по карману,
ведутъ себя болѣе спокойно и умѣреннѣе».

Не то крайній правый: «У него или
совсѣмъ ничего нѣтъ, или есть, да мало.
А жадность къ жизни большая. Онъ за-
видуетъ всякому, кто живетъ лучше его.
Ему тоже хочется достичи, добиться,
устроиться. И потому онъ постоянно пун-
жить и постоянно безпокоится. Аворъ
сверху увидать и дадутъ ему что-нибудь.
Отсюда—борьба Пуришкевичей и Марко-
выхъ съ Крушевскими и Балабановыми»...

Словомъ, умѣренные правые это—
люди, у которыхъ въ жизни достаточно
«компота» и которые могутъ имъ уго-
ждать другихъ, а крайніе правые это—
мечтающіе о «компотѣ» или недостаточно
имъ насладившіеся.

Хлыстовщина.

Г. Гофштеттеръ рисуетъ въ «Новомъ
Времени» удручающую картину дѣятель-
ности «одного популярнаго мистика изъ
народа».

(О комъ идетъ рѣчь—не трудно до-
гадаться):

Тѣсный кружокъ послѣдователей
имеетъ его своимъ духовнымъ отцомъ,
вѣрять въ присутствіе въ немъ небесной
благодати, приписываетъ ему способность
исцѣленій, ясновидѣнія и пророчества,
какою обладали, по мнѣнію ихъ поклони-
ковъ, и настоящіе хлыстовскіе хри-
сты. Его богословскія разсужденія огра-
ничиваются преимущественно излюблен-
нымъ текстомъ насчетъ того, что «Духъ
Божій вѣетъ, гдѣ хочетъ»—тема доволь-
но популярная и у хлыстовъ. Какого-ли-
бо опредѣленнаго вѣрующаго онъ даже и
не пробуетъ создать.

Одинъ изъ его интеллигентныхъ поклони-
ницъ сначала пытался разработать отвлечен-
ную теорію о религіозномъ значеніи
старчества, но такъ быстро была захвачена
магическими чарами мистическаго
гипноза, что вскорѣ пришла въ состоя-
ніе, близкое къ невѣдѣмому, и совер-
шенно утратила способность къ умствен-
ной работѣ.

Удлинъ, образованная, прекрасно воспи-
танная женщина средняго образовате-
лскаго круга, она послѣ перваго сеанса
стала слѣдовать за своимъ духовнымъ отцомъ
старца, потомъ бросила всѣ домашнія дѣ-
ла, лишилась возможности вернуться въ
семью, безпартійная скиталась по знако-
мымъ, то куда-то исчезала съ горизонта,
то снова появлялась въ свѣтъ временно
набѣгающаго старца. Она вся проник-
нута мыслью, что старецъ—живой Богъ
во плоти,—чисто хлыстовское вѣрованіе,
объясняемое только ея болѣзненнымъ
состояніемъ. Обожествленіе личности
старца она доводила до того, что въ ех-

...инк главного торгового управления
Хрулева.
По министерству путей сообщения:
президентом: из тайных советников:
членов совбютов: министра Доброволь-
ский, инженерного Гершельман, дирек-
тор института путей сообщения Нерей-
ша, член учебного комитета Шмидт;
из действительных статских советников:
начальник управления внутренних
водных и транспортных дорог князь
Шаховской, управляющий хозяйствен-
ными делами управления железных
дорог Гривас, управляющий военно-
морским управлением внутренних вод-
ных и транспортных дорог Проценко.
Награжденный орденом: С. В. Вла-
димира 2-й ст. член инженерного
совбюта Риппасс-Метриц; С. В. Анны
1-й ст. товарищ министра Думитраш-
ко, член инженерного совбюта Тимо-
нов, член учебного комитета Шабу-
нович.

По государственному коннозаво-
дству производится из действительных
статских советников директор канцеля-
рии главного управления Перекрестов.
Разные рыби.
КЕВЬ, 24 Ш. Разливом Двйра в
Никольской слободѣ затоплено 15 улит,
пашади и баары; в предместной сло-
бодѣ—свыше 60 домов. На уличах
десятик ходок съ пассажирами. Вода
прибывает; захвачено все новое насе-
ление Труханова острова.

ЧИСТОПОЛЬ, 24 Ш. Въ Камѣ за сутки
прибыло воды на аршин; зедь слабѣет.
Навигация ожидается ранняя.
Арест священников.
ЛВОВЬ, 24 Ш. Арестованы право-
славные священники Гудима и Сандович
по обвинению въ пинковствѣ. Повод—
прогулка обоихъ въ позднее время по
мосту на Дибѣтрѣ, соединяющему Гали-
цію съ Буковиною. Власть подозрѣва-
етъ, что арестованные намѣревались
произвести возмѣненіе длины моста.

Въ связи съ арестами ихъ находятся
аресты въ Львовѣ двухъ русскихъ дѣ-
телей Вендасюка и студента Кадры,
произведенные послѣ обыска.
Безпорядки на рудникѣ.
ЛОУДОНЬ, 24 Ш. Двѣмъ произошли
серьезные безпорядки на рудникѣ близъ
Дунфрмалайт (Шотландія). Вслѣдствіе
слуховъ, будто нѣсколько углекоповъ до-
бывають уголь, у входа въ шахту собра-
лось до 10000 чел. Толпа повредила ма-
шины, разбила 1000 стеколъ въ стро-
еніяхъ. Ранено нѣсколько полицейскихъ.
Война Италіи съ Турціей.

КАМРЬ, 24 Ш. По свѣдѣніямъ изъ
Бенгази, турецкой артиллеріей разбита
итальянская военная аэропланъ;
летчикъ Франческо Рибери убитъ.

...овъ: произ-
...и: члены
...ий, Враскій,
...сударствен-
...управляющій
...ей Слезинъ;
...е советники:
...алатами ка-
...ской Бартъ.
...: Вѣлаго
...адіей заго-
...бумагъ Та-
...й ст. членъ
...банка Пе-
...тербургскою
...помощникъ
...авленія не-
...й: С. В. Ста-
...адіющій Го-
...Коншинъ,
...алатами: во-
...мской Шли-
...С. В. Вла-
...ей особенной
...части Давы-
...иными пала-
...ский, азиат-
...ской баронъ

Советы патріоты.
«Земщина» приглашаетъ Кассо при-
нять драконовскія мѣры для очистки
средней и высшей школы: спусить погиб-
нуть сотни профессоровъ и тысячи сту-
дентовъ, но Россія будетъ спасена и имя
Кассо будетъ благословенно.
«Земщина» называетъ предположеніе
русскихъ авіаторовъ совершить полетъ
въ Парижъ въ память отечественной вой-
ны «спорной затѣей» и высказываетъ
предостереженіе, чтобы они сломали себѣ шею.

Политина.. и компотъ.

Въ мартовской вышавъ «Жизни для
Всѣхъ» помѣщена любопытная беседа
членомъ Думы Д. П. Гулякинымъ, кре-
стьянниномъ-депутатомъ отъ Бессарабской
губерніи, прошедшимъ въ Думу подъ фла-
гомъ «союза русскаго народа», а затѣмъ
отколовшимся отъ крайнихъ правыхъ и
считающимъ себя безпартійнымъ про-
грессистомъ.

«До выборовъ я былъ членомъ союза
русскаго народа»,—разсказываетъ Гу-
лякинъ,—на выборахъ прошесть съ пра-
выми, а теперь—безпартійный и сижу
въ прогрессистахъ. Кто не знаетъ, ска-
жетъ, что это—обманъ, что я обманулъ
избирателей. Обманъ былъ, это вѣрно, но
только кто-кого обманулъ, это еще надо
разобрать, это видно будетъ даьше. Я
вамъ разскажу все, какъ сумѣю».

Въ разсказѣ Д. П. Гулякина наиболее
интересное, это—объясненіе, какъ запа-
ли въ его душу сомнѣнія, сдѣлаютъ-ли
ему въ Думѣ держаться выѣтъ съ пра-
выми. Пройдя на выборахъ благодаря
Крупенскимъ, онъ сначала шелъ и въ
Думѣ за Крупенскими, т.-е. за «умѣрен-
ными правыми». Послѣдніе собиравшіе
на квартирѣ у Балашова, «страшнаго
богача», по выраженію Гулякина.

«Житие было хорошее. Во время со-
браній—чай, печенье, варенье, а разъ и
даже два раза въ мѣсяцъ общій «товари-
щескій обѣдъ»,—все за счетъ Балашова.
Чѣмъ только на этихъ обѣдахъ вѣсть,
музыка, ни кормил! Чего раньше и
во снѣ не видѣть. Консомо, ростбифъ,
компотъ!.. Вотъ этого-то компотъ меня
и началъ наводить на умъ».

— Фу, ты, душой, Гулякинъ, какая
тебѣ честь! Кабы не былъ ты депутатомъ,
такъ тебя не только за столъ съ Балашо-
вымъ не посадили бы, а, можетъ быть,
и сапоги-то изъ чистоты не допустили...
А тутъ: «Пожалуйте... милости про-
симъ»!.. Что говорить, компотъ—штука
вкусная, но даромъ кормить ею не ста-
нутъ.

Къ чему бы все это?.. Тутъ что-нибудь
да такъ. Стало-быть, я имъ нуженъ?..
Ужъ не отаю ли я за компотъ чего-ни-
будь подозрѣваю?..

Роль «компотъ» окончательно выясни-
лась въ глазахъ Д. Гулякина, когда на
собраніяхъ фракціи правыхъ стали об-
суждать предварительные вопросы,
подлежащіе голосованію въ Думѣ. «Ста-
ли обсуждать впередъ заранее каждый
вопросъ, оговариваясь, кому и какъ вы-
ступать и что говорить»..

«А вопросы пошлы всѣ такіе, что я
все время сталъ оставаться въ мень-
шинствѣ: объ условномъ осужденіи, о
свободѣ совѣсти и т. д. Тутъ ужъ и си-
льно задумался. Какой же я депутатъ? На-
до тебѣ что-нибудь сказать по-совѣсти,
а тебя не пускаютъ: «Гулякинъ! куда
ты? назадъ? Видишь и понимаешь, что
законъ предлагается хорошій, полезный
для народа, а нельзя ни говорить, ни
голосовать за него: Крупенскимъ онъ не
правится или не нуженъ. Уходить во
время голосованія въ кудуары? Но куда
уйдешь отъ своей совѣсти? А если вы-
идеть такъ, что какъ разъ моего-то голоса
и не хватитъ, чтобы сдѣлать добро наро-

ду. Кого богословскія разсужденія огра-
ничиваются преимущественно извѣстны-
ми текстами писецъ того, что «Духъ
Божій вѣетъ, гдѣ хочетъ—тѣмъ дова-
но популяриал и у хлыстовъ. Какое-ли-
бо опредѣленнаго вѣрученія или даже и
не пробуетъ создать».

Одна изъ его интеллигентныхъ покло-
ницъ сначала пыталась разработать отле-
ченную теорію о религіозномъ значеніи
старчества, но такъ быстро была захва-
чена магическими чарами мистическаго
гипноза, что вскорѣ пришла въ состоя-
ніе, близкое къ неизлечимому, и совер-
шенно утратила способность къ умствен-
ной работѣ.

Узнавъ, образованная, прелесть асси-
риалка Жюльетта Френкель, бывшая
скаго круга, она вскорѣ прелесть
своей стѣнкой своимъ домъ штыль-калориза
старца, потому бросила всѣхъ своихъ
дѣтей, лишилась возможности вернуться въ
семью, безпріятная считалась не знако-
мымъ, то куда-то исчезъ съ горизонта,
то снова появлялся въ свѣтъ временно
павшаго старца. Она еще прелесть
нута мыслью, что старецъ—живой Богъ
во плоти,—чисто хлыстовское вѣрованіе,
объясняемое только ея болѣзненнымъ
состояніемъ. Обожествленіе личности
старца она дожила до того, что въ
своемъ домѣ ставила мыть его бѣлье въ
суповой чашкѣ!..

Въ послѣдній разъ я видѣлъ эту когда-
то интеллигентную и образованную же-
нщину обласованную въ аршинъ и шапку
старца. Съ дикимъ вѣлгомъ скорчилась
она казавшимся на диванѣ, придерживая
руками шапку на головѣ, какъ священ-
ную реликвию, одно прикосновеніе къ ко-
торой уже давало ей ощущеніе райскаго
блаженства, а бѣднѣйшіе и растерянные
«старцы» пытались трясущимися руками
схватить съ нея свои вещи.

Дикая, возмутительная сцена! На мой
ушрекъ: «Что ты сдѣлалъ изъ человека?»
—старецъ бросилъ позаную борьбу съ
обезумѣвшей и, тяжело дыша, отвѣчалъ
порывистымъ голосомъ:

— Она отродясь такая была! На кого
Богъ захочетъ, на того и наплетъ, бе-
лѣзны. Это—не моя вина. А ты винишь
меня потому, что въ Бога не вѣришь и
въ церковь не ходишь.

— Мало ли людей на свѣтѣ постоянно
сходятъ съ ума, такъ неужели онъ за
всѣхъ долженъ отвѣчать?—вступилась
за него присутствовавшая тутъ же другая
его поклонница изъ наиболее приближен-
ныхъ и повсѣдневныхъ.

Объ этой же несчастной авторъ даѣе
разсказываетъ:

За нѣсколько мѣсяцевъ до разсказа-
наго эпизода та же истощенная послѣ-
довательница обрядилась въ бѣлый бала-
хонъ и стала ходить босой. «Старцу» не
попавшись это пошество, заведенное
при томъ же безъ его разрѣшенія, и онъ
сердито прогналъ босую домой съ при-
казомъ обуться. Когда она вернулась къ
нему уже въ башмакахъ, онъ при мнѣ
сказалъ ей ласковымъ тономъ:

— Ну, вотъ, хорошо. Поворилась,
обула сапоги, теперь, если хощь, ходи и
босая!..

Выходя какъ-то отъ меня, она сталъ
одеваться въ темной передней. Высвѣ-
шній мужичекъ, привыкшій къ разбалы-
ванному поклоненію и услугамъ, властно
крикнулъ:

— Ойла, гдѣ мои сапоги?

И всеранняя барыня стремительно
бросилась въ темную переднюю обуть
разбалованнаго «мужичка».

Онъ старательно куватьируетъ въ
своихъ поклонникахъ безразсудное
повиновеніе и систематически возмуща-
етъ ихъ въ мистическомъ поклоненіи
себѣ. Хотя до полнаго умонараженія
дошла, кажется, только одна изъ нихъ,
но и всѣ остальные ходятъ, въ сущности,
по той же опасной дорожкѣ.

